

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

ПОЭЗИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В IV – VII ВВ.

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 46.03.01 История
очной формы обучения, группы 02031304
Анохиной Виктории Евгеньевны

Научный руководитель
д.и.н., профессор
Болгов Н.Н.

БЕЛГОРОД 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Специфика поэзии ранней Византии	11
1.1. Влияние христианства	11
1.2. Становление византийской литературы	13
Глава II. Эпиграммы в поэзии ранней Византии	18
2.1. Эпиграмма как литературный жанр	18
2.2. Паллад Александрийский.....	22
2.3. Павел Силенциарий	26
Глава III. Развитие церковной поэзии в IV – VI вв.....	31
3.1. Церковная поэзия Григория Богослова	31
3.2. Гимнография Синезия Киренского	38
3.3. Новая форма гимнографической поэзии в работах Романа Сладкопевца: кондак.....	44
Глава IV. Светская поэзия Византии VII в.	53
4.1. Специфика византийского литературного наследия VII в.	53
4.2. Особенности светской поэзии Георгия Писидийского	55
Заключение	64
Список использованной литературы и источников.....	67

Введение

Актуальность исследований в сфере культурного наследия Византийской империи определена своеобразием нынешнего периода общественного развития в нашей стране. На замену глобальному идеологическому противостоянию прибывают новые действительности общественного существования: явственно выступает разногласие изначальных и инноваторских явлений в нынешней реальности. В минувшие года зачастую сообщают также о упадке самоидентификации Российской Федерации и о том, что данный упадок разрешим только лишь на пути обращения к истокам.

Трудно оспорить то обстоятельство, что корни русской культуры, а тем более православной духовности в значительной мере объединены с цивилизацией Византии и с духовным наследием византийских творцов. Греко-византийские стандарты оказали существенное воздействие не только на речевые структуры российской словесности, но и на структуру идеи, а кроме того на становление типа личности; они на долгое время обозначили развитие русской культуры.

Значение византийской культуры состоит не только лишь в редких новациях духовной жизни, однако и влияниях на разнообразные культуры. Византийская цивилизация оказала колоссальное воздействие на культуру Древней Руси, и, таким образом, на специфику формирования культуры нынешней Российской Федерации. Согласно уровню образованности, Византия обгоняла Западную Европу Она предоставила обществу значимые стандарты литературы, художества, фундаментальной идеи, эстетического мышления. Византийская идеология стала рубежным периодом развития православного общества.

Особенности культуры, а в частности поэзии, Византии объединены с рядом оказывающих большое влияние на её формирование условий: формирование идеологии в полемике с язычниками, христианскими

еретиками, исламом, формирование философии в контексте консолидации православной культуры.

Оценка воздействия духовной культуры Византии существенна для представления социокультурной развития Российской Федерации: властного механизма, церковной жизни, цивилизованных детерминант отечественного социума. Для того чтобы осознать современную Россию, немаловажно воспринять характерные черты евразийского космоса, раскрыть сущность этих идеологических источников, которые оказали воздействие на формирование отечественного внутреннего системы.

Актуальным считается исследование истоков своеобразной византийской культуры. Весьма значимо для нас исследование поочередного выявления исторических условий и факторов, повлиявших на сложение цивилизованного фона, раскрытия индивидуальных и общих закономерностей, оказавших значительное воздействие на нравственное, эстетическое, общефилософское понимание византийского народа в общем цивилизованно-историческом ходе периода Средневековья на примере ранневизантийского поэтического наследства.

Цель данной работы: проследить динамику перехода от языческих традиций к христианским и их синтез на основе работ Паллада Александрийского, Павла Силенциария, Григория Богослова, Синезия Киренского, Романа Сладкопевца и Георгия Писидийского.

Историография. Изучение византийской культуры - один из основных стимулов формирования нашей историко-культурологической науки. Заинтересованность к ней в Российской Федерации стала образовываться в XIX столетии. Была сформирована целая область, именуемая византиноведением. Она предоставила восхитительную плеяду научных работников, в особенности петроградских, занятых этой темой.

Отечественная интеллигенция минувшего столетия придавала особенную значимость византийскому проблеме, так как представляла в нем непосредственную аналогию с Древней Русью. Более четко данную идею

высказал один из родителей российского византиноведения академик Ф. И. Успенский, находивший, что уже после истории, исключительно русской, византийская хроника содержит преобладающую значимость¹.

Поощрялось византиноведение и российским властью, усматривавшим в нем (кроме всего остального) ещё и существенное способ увеличения собственного культурного и общественно-политического воздействия на Востоке.

В 1894 г. был издан 1-ый том особого периодического издания «Византийский временник». В нем печатались академические материалы, затрагивающие разных краев византийской культуры.

В данный промежуток внимательно исследуются характерные черты византийской социальной идеи, цивилизованные устои, а кроме того восточные и античные импульсы, повлиявшие на развитие этой культуры.

Но изучениям в сфере византиноведения воспрепятствовала Октябрьская революция 1917 года. На несколько десятков лет была оборвана деятельность в данном устремлении. И только с 40-х годов изыскания возобновились. Снова начал издаваться "Византийский временник".

Импульсом к последующему формированию византиноведения стал сильный нравственный потенциал в исследовании умственного, эстетического, высоконравственного нюанса культуры Византии, рожденный советскими учеными в 60-80-х гг. Таким образом, становлению средневековой литературы, философии, эстетики посвящены были монографии С. С. Аверинцева², В. В. Бычкова³, главы в обобщающих работах «Культура Византии»⁴.

В 1970 г. вышли в свет в русских переводах фрагменты источников по истории культуры раннего средневековья.

¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. – М., 1996. Т.1. – 827 с.

² Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1977. – 320 с.

³ Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. — М., 1977. - 408 с.

⁴ Культура Византии, IV - первая половина VII в. — М., 1984. – 711 с.

Также стоит выделить работы таких ученых, как Л.А. Фрейберг⁵, Ю.Ф.Шульц⁶.

Немало ученых, как советских, так и зарубежных, внесли ценный вклад в изучении истории Византии.

На Западе византиноведение, как независимая наука, считает собственным прародителем Дюканжа⁷ (1610-1688). Первоначальным его творением стал «Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis», словарь латинских слов, вышедший в 1678 г. Он и по сей день весьма значим для ученых.

Академические средоточия с самой различной структурой, занимавшиеся разработками Византии, были в большинстве государств Европы и Северной Америки в течение многих лет: в определенных вариантах — неформально, равно как итог индивидуального исследовательского энтузиазма, в иных вариантах, с окончания XIX в. — официально. Данные центры и превратили деятельность, которая могла остаться в степени обыкновенного интереса к антиквариату любителями древностей, в целую академическую дисциплину. Начальным, хотя и не всегда эффективным, катализатором к исследованию Византии было то, что в большинстве своем собрания греческих рукописей — будь то традиционные либо средневековые тексты — датируются византийским временем и представлены списками, созданными в зонах, пребывавших под господством Византии. Подобные собрания, составленные в результате стечения различных исторических факторов, пребывают, к примеру, в Афинах, Лондоне, Мадриде, Париже, Ватикане, Вене. Данное значит, что сначала Византийская империя в равной степени находилась в фокусе внимания и филологии, и истории. С другой стороны, к понятию «Византия» имеет

⁵ Фрейберг Л.А. Памятники Византийской литературы IV-IX веков. — М., 1968. — 360 с.

⁶ Шульц Ю.Ф. Паллад Александрийский. Эпиграммы//Византийский временник. — М., 1964. Т.24. С. 259-260.

⁷ Charles du Cange Hystoria Byzantina. 3 vls. — Paris, 1680.

прямое отношение теологическая традиция и церковные структуры, хотя это в целом только часть византийской культуры.

Франция впервые заинтересовалась «le bas empire» (в буквальном смысле слова — «нижней империей»), популярной при дворе Людовика XIV как позднейший этап Римской империи, сопоставление с историей которой формировала подходящую основу для похожих имперских устремлений 2-ух стран. Результатом этого стал усиленная заинтересованность к получению текстов византийского этапа, в первую очередь исторических сочинений, в следствии чего были в первый раз обнародованы многочисленные творения, в основном из царских коллекций. Рукописи из парижских библиотек, стали материалом для формирования и иного значимого теоретического инструментария, такого как «Glossarium mediae et infimae Graecitatis»⁸ (1688 г.) Дюканжа, по сей день не полностью вышедшего из потребления. Общенаучная заинтересованность к византистике, постоянно сохранявшаяся в французских академических кругах, в минувшие года нашла свое отражение в ряде значимых академических работ в Сорбонне и Collège de France.

Возможно, наиболее важный этап к образованию академической дисциплины был выполнен в 1890 г. в Мюнхене Карлом Крумбахером (1856-1909 гг.). Этим шагом явилось основа журнала «Byzantinische Zeitschrift», 1-ый официального периодического издания, целиком посвященного этой сфере познаний, и открытие при Мюнхенском университете Института византийских исследований, кой не прекращает собственную работу и по настоящий день.

Карл Крумбахер кроме того привнес существенный вклад в формирование иностранной византологии собственными академическими

⁸ Charles du Cange Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. 2 vls. – Lyon, 1688.

разработками. К примеру, его работа «Die griechische Literatur des Mittelalters. Die Kultur des Gegenwart: ihre Entwicklung und Ziehe»⁹.

В Германии возникли и прочие значимые академические центры, к примеру, Берлин, Бонн и Гамбург. Не менее важными были академические успехи Афин, где снова основанные Университет и Академия показывали интенсивный энтузиазм к исследованиям в этой сфере.

Весьма существенная исследовательская деятельность ученых дореволюционной России, с большими проблемами продолжавшаяся в период сталинизма, приобрела отражение и обрела 2-ое дыхание в поздних работах Александра Каждана уже после его переезда в Вашингтон в 1970 году¹⁰.

Следующим более важным шагом в формировании данной дисциплины стала организация ряда международных конгрессов Византийских исследований, первый из коих, сконцентрировавший в целом приблизительно 30 соучастников, состоялся в 1924 г. в Бухаресте. Они стали проводиться каждые 5 лет, их деятельность приостанавливалась только лишь в период Второй Мировой войны. Последние из них прошли в Лондоне (2006 г.), Париже (2001 г.), Копенгагене (1996 г.) и Москве (1991 г.). Фактически каждый конгресс сопровождался публикацией пленарных свидетельств, лаконичных статей и сообщений, ставших бесценным документальным подтверждением того, как изменялась сфера интересов и методология.

В последнее десятилетие в нашей стране круг исследователей различных областей византийской культуры заметно расширился, усложнилась проблематика их изысканий, совершенствовалась методика, наметились новые подходы к разрешению спорных и трудных проблем.

Таким образом, интерес к византийской цивилизации не ослабевает и по сей день, продолжается изучение различных сторон и аспектов данного

⁹ Karl Krumbacher. Die griechische Literatur des Mittelalters. Die Kultur des Gegenwart: ihre Entwicklung und Ziehe. – Leipzig; Berlin. 1912. – P. 337.

¹⁰ Alexander P. Kazhdan. A History of Byzantine Literature. 650–850. – Athens, 1999.

вопроса. Однако, несмотря на значительное многообразие исследовательских работ в области культурного наследия Византии, в историко-культурологическом аспекте данная тема освещается мало, и это обстоятельство также является актуальным для данного исследования.

Объектом исследования является культурное наследие Византийской империи IV – VII вв.

Предмет исследования: синтез античных и христианских традиций в культуре Византийской империи на примере ранневизантийской поэзии.

Для реализации данной цели использовались следующие **задачи**:

1. рассмотреть влияние христианства на становление византийской культуры в целом;
2. проследить этапы формирования византийской поэзии;
3. рассмотреть эпиграммы в поэзии Византии раннего периода на примере работ Паллада Александрийского и Павла Силенциария;
4. проанализировать церковную поэзию, ее специфику на основе работ Григория Богослова, Синезия Киренского и гимнографии Романа Сладкопевца;
5. рассмотреть особенности развития светской поэзии на основе поэтического наследия Георгия Писидийского.

Источниковую базу для данной работы составляют такие труды как Палатинская антология¹¹. Ни один из первых 3 сборников антологии до нас, к сожалению, не дошел; сохранилась только четвертая антология, составленная в X в. н. э. Константином Кефалой. Кефала соединил в своем сборнике материал из трех первых антологий, а также из других источников, нам не известных. Всего в антологии Кефалы пятнадцать книг. Долгое время эта антология считалась утраченной, и только в 1606 г. французский филолог Клавдий Салмазий (Клод де Сомез) обнаружил ее в гейдельбергской

¹¹ Греческая эпиграмма / Под ред. и с вступ. ст. Ф. Петровского. Сост. Ф. Петровского и Ю. Шульца. – М., 1960. – 487 с.

Палатинской библиотеке; отсюда и пошло название этого сборника — Палатинская антология¹².

Для рассмотрения такого жанра как гимнография несомненно важны работы Романа Сладкопевца¹³. Так же необходимо проанализировать гимнографическое наследие Григория Богослова¹⁴ и Синезия Киренского¹⁵.

В изучении работ конца VI – начала VII вв. Георгия Писиды главное место занимает «Шестоднев» - повествование о сотворении Богом мира¹⁶.

Таким образом, имеющихся источников достаточно для подробного рассмотрения и анализа заявленной темы.

Методологической основой данной работы являются принципы историзма и научной объективности. Можно выделить такие методы как: сравнительно исторический метод, текстологический анализ, методы обобщения и классификации.

Применение **методов** текстологического анализа, обобщения и классификации позволило реконструировать особенности развития и становления византийской поэзии, что позволило создать общую картину представлений о поэзии Византии раннего периода.

Хронологические рамки обуславливаются условным делением времени существования Византийской империи на три периода. Для данной темы важен ранний период развития Византии, соответственно, мы используем источники IV-VII вв.

Структура: данная работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы и источников.

¹² Эпиграммы «Греческой антологии». / Под ред. М. Гаспарова и Ю. Шульца. – М., 1999. – 725 с.

¹³ Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца./ пер. Сергея Цветкова. – М., 1881. – 213 с.

¹⁴ Григорий Богослов. Собрание творений: в 2 т. — М., 2000. — Т.I. — 475 с.

¹⁵ Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя. Полное собрание творений. В 2 т. / Пер. и комм. Т. Г. Сидаша. — СПб., 2012—2014.

¹⁶ Шляпкин И. А. «Шестоднев» Георгия Писиды в славянском переводе 1385 г. – СПб., 1882.

Глава I. Специфика поэзии ранней Византии

1.1. Влияние христианства

В период, когда христианство достигло своего расцвета, церковь стала убирать из жизни обычных людей все античное, и в первую очередь это касалось культуры. Однако было оставлено то немногое, что могло быть полезно для самой церкви¹⁷.

В городах Византийской империи сохранялись многие античные традиции и знания, которые совместно с развитием и внедрением в общественную жизнь христианства, образовали совершенно новую уникальную культуру¹⁸.

Для литературного творчества Византийской империи рассматриваемого периода характерно жанровое многообразие. Это могли быть исторические, богословские, философские сочинения и многое другое¹⁹. В связи с тем фактом, что Византийская империя была многонациональна, то и ее литературное наследие отличалось этнолингвистической неоднородностью. Так как для большинства населения родным был греческий язык, ставший с конца VI в. официальным, то основной массив литературного наследия составляю грекоязычные произведения. Однако наряду с ними мы можем встретить и произведения, написанные на латинском, сирийском, коптском и других языках²⁰.

В литературе Византийской империи долго сохранялись античные традиции и знания, чему способствовали особенности системы просвещения, а также сохранение греческого языка. Постановка преподавания в начальной и высшей школах сыграла большую роль в распространении античных литературных памятников и в формировании вкусов. Но при этом огромное

¹⁷ Курбатов Г.Л. Византия в VI столетии: Популярный очерк. – Ленинград, 1959. – С. 45.

¹⁸ Курбатов Г.Л. Византия в VI столетии: Популярный очерк. – Ленинград, 1959. – С. 48.

¹⁹ Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. — М., 1977. — С. 352.

²⁰ История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. – М., 1967. - С. 409.

значение имело распространение богословских произведений и влияние христианства.

Литературу рассматриваемого периода можно условно разделить на два направления. Первое направление представлено писателями и поэтами, пишущими на языческую тематику. Ко второму направлению относят труды христианских авторов. Риторика, эпистолография, эпос, эпитаграмма продолжают свое развитие в византийской литературе. Однако появляются и новые жанры такие как агиография, гимнография и хронография²¹.

Развитие литературы IV-VII вв. неразрывно связано с взаимоотношениями, которые установились между языческим и христианским. На протяжении II-III вв. велись споры по вопросу о том, можно ли христианину использовать достояние греческой, античной культуры. Эти споры, однако, не привели ни к чему конкретному. Одни думали, что использовать языческое наследие приемлемо, другие же категорически отвергали его²².

Проблема отношений между христианской и языческой культурой так и не была решена.

Языческое общество постепенно становилось христианским. Процесс этот получил особый расцвет в IV веке. Этому, с одной стороны, способствовало само правительство, которое поддерживало христианство, а с другой – многочисленные ереси, которые формировали интерес вокруг интеллектуальных дискуссий о христианстве и создали серию новых важных вопросов. Тем временем христианство впитывало и поглощало в себя языческие традиции и культуру, так что, согласно Крумбахеру, «христианские положения бессознательно облачались в языческие одеяния»²³.

²¹ Любарский Я.Н. Византийский историки и писатели – СПб., 1999. — С.185.

²² Васильев А.А. История Византийской Империи. – Спб, 1998. – Т.1. – С. 215.

²³ Karl Krumbacher Die griechische Literatur des Mittelalters. Die Kultur des Gegenwart: ihre Entwicklung und Ziehe. – Leipzig; Berlin, 1912. – P. 337.

Христианская литература IV и V веках обогатилась произведениями значительных писателей не только в области прозы, но и в поэзии. Однако языческая литературная традиция продолжала свое развитие, благодаря представителям языческой мысли²⁴.

Литература Византии IV—VII в. отражает становление и утверждение христианской культуры, сопровождавшиеся борьбой с отголосками языческой античности. В этой сложной и противоречивой борьбе двух идеологий рождались новые жанры и стили, получившие развитие в последующую эпоху²⁵.

1.2. Становление византийской литературы

Ежели Афины IV—V вв. были основным средоточием уходившей в далекое прошлое языческой культуры, то в этот же период новейшая философия, новейший уровень культуры образуется в Византии в работах представителей так именуемого каппадокийского кружка в творчестве Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского²⁶.

Однако и данная общефилософская литература, новейшая по содержанию, никак не порывает с древними традициями, а, наоборот, усваивает их и по-своему развивает. Взаимосвязь новейшей культуры с прежней видна кроме того в работах представителей александрийской и антиохийской школ — у Афанасия Александрийского и Иоанна Златоуста²⁷.

Литературное достояние творцов V—VI вв., получивших обучение в газской школе, крайне репрезентативно для периода переходного этапа от античности к средневековью. В нем четко отличаются 3 рода творений: исключительно христианские по атмосфере (экзегетические писания

²⁴ Фрейберг Л. А. Византийская поэзия IV-X вв. и античные традиции // Византийская литература / отв. редактор Аверинцев С.С. – М., 1974. – С. 26.

²⁵ История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. – М., 1967. — С. 411.

²⁶ Орлов А.С. Византийская литература // Литературная энциклопедия. – М., 1929. — Т.2. – С. 159.

²⁷ Karl Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. — Munich, 1897. — P. 235.

Прокопия, агиография Феодора); исключительно языческие (версификация Иоанна); творения христианские, почерпавшие форму из языческой версификации²⁸.

Процесс начального освоения христианской литературой конфигураций и способов стилевой, вербальной выразительности, произведенных языческой литературой, и поэтапный разрыв с ней наиболее отчетлив в христианской поэзии IV—VI вв. Непосредственно этот критерий — приверженность стандартам языческой литературы либо несоответствие им — делит христианскую версификацию IV—VI вв. на версификацию классическую и новейшую²⁹.

В классической версификации остаются постоянными не только лишь сами жанры, взятые из литературы языческой (гимн, эпиграмма, эпитафия, дидактическое стих, гномы, поэма, экфрасис), но и те же метрические основы стихосложения, несмотря на то, что греческий язык к этому времени уже прекратил ощущать расхождение между длинными и короткими слогами³⁰.

Григорий Назианзин абсолютно во всех своих 408 стихотворениях четко придерживается правил метрического стихосложения. Жанры его стихотворений многообразны: эпиграммы, дружественные либо возмущенные («На Максима», '«На любящих богатство», «На лицемерных монахов»), короткие, точные гномы (изречения), ведущие собственное начало от Гомера и Гесиода, крупные поэмы («На свою жизнь», «Спор жизни духовной с жизнью мирской», «От Никобула-отца к сыну»), гимны (к примеру, «Гимн Христу»).

Однако поэтическому творчеству Григория свойственно новейшее мировосприятие, что всеильно прорывается через давнюю классическую форму. Оно проявляется в первую очередь в комбинации 2-ух частей:

²⁸ Филарет (Гумилевский), архиепископ. Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви: (Репринтное издание). — М., 1995. — С.185.

²⁹ Кулаковский Ю.А. История Византии. — СПб., 1996. — Т.2. — С. 245.

³⁰ Фрейберг Л.А. Памятники Византийской литературы IV-IX веков. — М., 1968. — С. 23.

ощущения весьма индивидуального с ощущением общечеловеческим. Тем самым исполняется главное правило истинной лирической поэзии, в которой увеличился древнегреческий лиризм периода расцвета (раннее творчество Ивика, Солон, Пиндар); в период эллинизма и «серебряного века» римской литературы данное правило было нарушено потерей 2-го элемента³¹.

В V—VI вв. в христианской версификации был востребован стиль экфрасиса (описания), прибывший из древней риторики. Ему отдали дань подобные стихотворцы VI в., как Христор Коптийский, описавший 88 скульптур творцов, героев, стихотворцев, философов и государственных деятелей Греции и Рима, Юлиан Египетский в эпиграммах «На медную скульптуру Икара», «На «корову» Мирона», Леонтий Схоластик («На статую танцовщицы»), Агафий Миринейский («На скульптуру Плутарха», «На изображение архангела Миши») и, в конечном итоге, Павел Силенциарий («Освещение купола святой Софии»).

Экфрасис Павла Силенциария, созданный гекзаметром, говорит о новейшем свойстве, развившемся к VI в. в данном античном жанре древней литературы: произведение практически в тысячу стихов преобразуется в поэму, преследующую пропагандистскую задачу, где писатель объединяет культовые ощущения, пробуждаемые величием новейшего собора, с ключевыми мишенями общественно-политической жизни Византийского государства³².

Нонн, объясняя гекзаметрами Евангелие от Иоанна, уже старается в той или иной степени принимать во внимание новейшие языковые общепризнанные мерки. Писатель возводит мысль подобным способом, чтобы мелодический акцент в нем был схож с экспираторным ударением разговорной речи³³. Таким образом, наступает поэтапная трансформация от метрического принципа стихосложения к тоническому. Стремления

³¹ Фрейберг Л.А. Памятники Византийской литературы IV-IX веков. – М., 1968. – С. 24.

³² Karl Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. — Munich, 1897. — P. 240.

³³ Фрейберг Л.А. Памятники Византийской литературы IV-IX веков. – М., 1968. – С. 25.

подобные делались ещё в IV в.: из числа скудных отрывков известного ересиарха Ария остались 2 поэтических фрагмента; по ним можно рассуждать, что стихотворения были предназначены для вокала и в значительной мере отходили от общепризнанных мерок древней метрики; в них можно даже подразумевать присутствие рифмы³⁴.

Этот промежуток узрел развитие литературы церковных гимнов. Создатели гимнов шаг за шагом отошли от первоначальных устоев имитирования классической версификации и образовали личные индивидуальные формы. Формы данные были совершенно самобытны и в определенных вариантах их рассматривали просто как прозаические. И только лишь относительно не так давно данные объемы были частично истолкованы. Они характеризуются разными типами акростихов и рифм³⁵. К сожалению, на сегодняшний момент крайне немного известно о церковных гимнах IV и V веков. Согласно данному обстоятельству история их последовательного развития расплывчата. Тем не менее совершенно безусловно, что формирование их было ценным. В таком случае, если Григорий Богослов следовал традиционной метрике в большой доле личных поэтических гимнов, Роман Сладкопевец, сочинения которого появились в истоке VI века при Анастасии I, использовал новые формы для творений и обращался к акростихам и рифмам³⁶.

С течением времени аналогичные стремления разорвать с общепризнанными мерками древней метрики делались, вероятно, нередким феноменом, таким образом, полный разрыв с ними мы замечаем уже в VI в. в творчестве восхитительного поэта Романа Сладкопевца. С его именем сопряжено появление новейшей версификации в византийской литературе — новейшей и по содержанию, и по форме, и по стилистическим, и по метрическим

³⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии. — СПб., 2003. — Т.1. — С. 287.

³⁵ Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. — Киев, 1991. — С. 154.

³⁶ Grodidier de Matons J. Ronanos le Melode et les origines de la poesie reillegieuse a Byzance. — Oxford, 1990. — P. 137.

показателям. Роман Сладкопевец — создатель более тысячи духовных песнопений, кои предоставляют возможность охарактеризовать его неподдельным реформатором византийского стихосложения: он первым из христианских стихотворцев начал сочинять согласно тоническому принципу и тем самым приблизил церковную литургию к живому разговорному слогу, сделал ее ясной и близкой для абсолютно всех своих современников. Роман Сладкопевец — автор 2-ух новейших поэтических жанров, нареченных им кондаком и икосом. Кондак (от греческого слова *hoxtixiov* — небольшой свиток) — литургическая поэма, приуроченная к отображению какого-либо духовного торжества либо момента из жизни как знаменитых героев Ветхого Завета, так и христианских святых. Икос (от греческого слова *oikos*—дом)— подробное пояснение, зачастую с наставнической целью, сопутствующее песнопения³⁷.

Таким образом, кондак и икосы оформляют одно целое: кондак (всегда один) предшествует икосам, количество коих колеблется от одиннадцати до двадцати восьми. Ощущение целостности достигается благодаря тому, что завершающие фразы кондака повторяются в окончании каждого икоса. Данное объединение кондака с икосами предоставило в высшей степени эластичную поэтическую форму, которая раскрывала внушительные потенциал для формулировки чувств. Литургия Романа зачастую полны драматизма, и драматичность данный порой разворачивается в психологическом плане («О предательстве Иудином», «Иосиф и египтянка», «Девы мудрые и неразумные»). Тонические размеры придавали многообразие внешней, мелодической стороне поэтической речи. Характер песнопений Романа бывает прост и величав, строг и ласков, праздничен и проникновенно-лиричен. За эту постоянную глубину ощущения и красоту слога Роман был прозван Сладкопевцем³⁸.

³⁷ Karl Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. — Munich, 1897. — P. 257.

³⁸ Фрейберг Л.А. *Памятники Византийской литературы IV-IX веков*. — М., 1968. — С. 25.

В этот промежуток поэзия, новейшая по собственной идеологической ориентированности и содержанию, с одной стороны, обширно использует обыкновениями древней культуры и литературы и тем самым реализовывает не только эстетическую преемственную связь в цивилизованном формировании эллинистического народа, однако и содействует цивилизованному формированию иных народов, входивших в состав Восточноримской империи.

Глава II. Эпиграммы в поэзии ранней Византии

2.1. Эпиграмма как литературный жанр

В эллинистической поэзии греческого и римского этапов огромный рост получил отдельный вид не очень больших, однако совместно с этим завершенных согласно форме и содержанию стихотворений, именуемых эпиграммами, буквально — надписями.

Эпиграммы знакомы в эллинистической литературе с древних пор: многие из них греки причисляли лично Гомеру; под его именованием достигли до нас, к примеру, эпиграммы, которые возможно озаглавить «На гробницу Мидаса» (AP, VII, 153) и «Дар Аполлону» (AP, I, 2)³⁹.

К древним эпиграммам принадлежат посвятельные надписи в объектах культа — изваяниях, алтарях, треножниках, а кроме того в надгробных монументах; эти заключительные носят наименование эпитафий, буквально — надгробий. Античный историограф V в. до н. э. Геродот приводит подобные посвятельные надписи в треножниках в храме Аполлона Исменского в беотийских Фивах.

Надписи с собора Аполлона, сводимые Геродотом, схожи между собой и согласно формулировкам, и согласно поэтическому объему — дактилическому гексаметру, этому лично метру, тот или иной использовался

³⁹ Соболевский С.И. История греческой литературы. – М., 1960. – С.118.

в «Илиаде», «Одиссее» и иных этических поэмах. Необходимо кроме того выделить, что в эпиграммах в объектах говорящим лицом как правило бывал наиболее объект, на котором производилась текст. Данный метод, равно как и стихотворный размер — гексаметр — удержался в многочисленных надписях последующих периодов, когда взамен холодных формулировок в надписях в объектах возникает и лиричный компонент, равно как, к примеру, в эпиграмме в тихом водоподъемнике, красиво оформленному изваянием бога Пана (AP, IX, 825): Пана, меня, не любя, даже воды покинула Эхо⁴⁰.

Личный компонент, какой заметен в данной надписи, имеет весьма существенную функцию в формировании эпиграммы, показывает ее трансформацию от прочной бесстрастной формы в особого рода лирическую поэзию, усложненную в многочисленных вариантах трагическими компонентами, равно как, к примеру, в эпиграмме стихотворца Посидиппа на скульптуру Лисиппа «Случай» (AP, XVI, 275), сочиненной в форме разговора между скульптурой и созерцателем, либо же в беседе стихотворца Филодема с красавицей (AP, V, 46) — эпиграмме, ранее абсолютно утратившей свойства «надписи»⁴¹.

Такое развитие эпиграммы, превращающейся с надписи в короткое произведение, приуроченное к тому или иному объекту либо случаю, теснейшим способом соединена и с переменной стихотворного размера: наравне с элементарными гексаметрами в эпиграммах возникает и объединение гексаметра с пентаметром, то есть так именуемое элегическое стихотворение, либо элегический дистих, какой делается и навеки остается излюбленной конфигурацией древней эпиграммы равно как у греков, так и у римлян. К нам дошло большое число эпиграмм, где подобное стихотворение работает с целью лаконичного формулирования какой-нибудь завершенной идеи, поделенной на главное состояние и заключение из него.

⁴⁰ Соболевский С.И. История греческой литературы. – М., 1960. – С. 135.

⁴¹ Аверинцев С. С. Византийская литература VII—IX вв. // История всемирной литературы: В 8 томах — М., 1984. — Т. 2.— С. 349.

В связи с расширением горизонта эпиграмматической поэзии все больше и больше разнообразятся используемые в ней стихотворные размеры: кроме гексаметра и элегического дистиха в эпиграммах берутся применять ямбы и прочие метры, иногда весьма спутанные и непростые, равно как, к примеру, в эпigramме Феокрита на скульптуру драматурга Эпихарма (AP, IX, 600), где стихотворение заключается из чередующихся обрезанных трохаических тетраметров, адонических стихов с анакрузой (четные стихотворение) и ямбических триметров⁴².

К подобным же непростым по стихотворной форме, а ещё более по содержанию, принадлежит сваливаемая Феокриту эпиграмма-тайна «Свирель» (AP, XV, 21), в которой парами, укорачивающиеся дактилические строки дают целому стихотворению конфигурацию мелодического инструмента с укорачивающихся синхронных дудок, что и предназначается разгадкой данного скульптурного стихотворения.

Итак, возникнув из непродолжительной надписи на объекте, изготовленной гексаметром, эпиграмма со временем направляется в незначительное стихотворение, изъясняющееся о какой-нибудь вещи, облике либо мероприятии в убедительной краткой и красочной поэтической форме. Безусловно, ставить какие-нибудь жесткие пределы объему эпиграммы нельзя: размер её полностью находится в зависимости от вопроса, однако в границах избранной вопроса она должна являться как можно более короткой. Данное отлично осознавали выдающиеся авторы классических эпиграмм, в знак протеста против исключительно внешнего условия определенных критиков, требовавших в лаконичности эпиграммы вне зависимости от её содержания.

Переходя к обзору эллинистических эпиграмм со стороны содержания, мы наблюдаем в них самую многообразную тематику: она включает всевозможные объекты и действия равно как личной, так и коллективной

⁴² Соболевский С.И. История греческой литературы. – М., 1960. – С.129.

жизни. Мы находим в эпиграммах и размышления о объектах изобразительных искусств, и ответы на творения литературы, и рассуждения о жизни и гибели, и сентенции, инициированные многозначительными мероприятиями. Так же как форма, с ходом периода меняется и сущность эллинистических эпиграмм, их характер и вид. Умиротворение и значимость, характерные большому числу эпиграмм традиционного этапа эллинистической литературы и роднящие их с эпосом и элегией, приступают все больше и больше уступать место шутке и насмешке, родня эпиграмму с жанрами сатирическими.

Понимание о эпиграмме, равно как о остроумном и едком стихотворении на событие сформировалось ранее в классический период. С начала римского периода термин эпиграмма приобретает в таком случае значение, которое ему дают в новейший период.

В промежутки возникновения эпиграмм остросатирический компонент вовсе никак не доминирует в ней: из всего широкого наследия эллинистических эпиграмм (а их нам общеизвестно приблизительно 6 с половиною тыс.) 1-ое место захватывают надгробные (эпитафии), далее описательные и посвятельные, а сатирические совместно с застольными занимают только 4-ое место⁴³.

Несколько тыс. дошедших до нас эллинистических эпиграмм сохранилось в основном благодаря древнейшим сборникам, либо антологиям, 1-ая из коих, как отмечено выше, была составлена стихотворцем Мелеагром, а 2-ая — Филиппом Фессалоникским. В VI в. н. э. Агафием Схоластиком был собран 3-ий свод. Ни один из данных сборников до нас, однако, не дошел; сохранилась только лишь 4-ая антология, наложенная в X в. н. э. Константином Кефалою. Кефала объединил в собственном сборнике информация с 3-х первых антологий, а кроме того с иных источников, нам не знакомых. В целом в антологии Кефалы 15 томов. Длительное период данная

⁴³ Джеффрис Э. Византистика как академическая дисциплина / перевод В. Швеца [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Богослов» - URL: <http://www.bogoslov.ru/text/896559.html> (дата обращения: 25.04.2017)

подборка являлась утраченной, и только лишь в 1606 г. галльский ученый Клавдей Салмазий (Клод де Сомез) заметил её в гейдельбергской Палатинской библиотеке; из этого места и вышло наименование данного сборника — Палатинская антология. Гейдельбергский перечень данной антологии помечается XI в. Вплоть до открытия Салмазия была знакома исключительно антология византийского филолога, монаха Максима Плануда (1260—1310 гг.). Данный свод — неполное издание (в 7 книжках) антологии Кефалы; но в нем существуют многие эпиграммы, коих отсутствует у последнего. Подборка Плануда в первый раз была издана под редакцией научного работника византийца Иоанна Ласкариса в 1494 г. в Флоренции; в XVII в. она была переведена голландским научным работником Гроцием на латинский язык.

2.2. Паллад Александрийский

С именем Паллада (ок. 360 — между 430 и 440 гг.), завершающего «языческого» стихотворца-эпиграмматиста, сопряжен позднейший подъем эллинистической эпиграммы. Паллад был школьным педагогом грамматики, прожил абсолютную лишений жизнь и только на склоне возраста, вероятно, был взят на муниципальную работу⁴⁴.

Паллад проживал в катастрофический для эллинистической культуры период. Уже после жестокого упадка III столетия, обхватившего все без исключения стороны существования рабовладельческого сообщества, его заход близился неизбежно. Римская держава к окончанию IV в. полностью развалилась в 2 части — Восточную и Западную. Упадок, в особенности на Западе, все больше углублялся. Между погибающим идолопоклонством и христианством, в особенности на Востоке, исходила жестокая конкуренция⁴⁵.

⁴⁴ Аверинцев С. С. Византийская литература VII—IX вв. // История всемирной литературы: В 8 томах — М., 1984. — Т. 2. — С. 350.

⁴⁵ Античность и Византия / отв. редактор Фрейберг Л.А. — М., 1975. — С. 75.

Реформаторская работа правителя Юлиана (361—363 гг.), располагавшая целью восстановить идолопоклонство, ввести в него свежие силы, потерпела крах совместно с смертью собственного предводителя. Последовал цикл декретов христианских царей, закончившийся миланским эдиктом Феодосия I (391 г.): безжалостно наказывались все без исключения, кто именно осуществлял жертвоприношения языческим (эллинистическим) божествам, повсеместно сносились церкви и скульптуры древнейших творцов; церковное варварство христиан истребляло эксклюзивные монументы классического зодчества и художества⁴⁶.

В 415 г. масса фанатиков-христиан, подбиваемая епископом Александрии Кириллом, унизила в соборе Ипатию, последовательницу неоплатонической философии, к кружку которой относились Паллад, Синезий с Кирены и прочие одаренные сторонники погибающей эллинистической культуры.

Сторонник уходящего эллинизма, соперник христианства, Паллад осознавал безнадежность собственных идеалов. Основательную скорбь поэта порождает данный заход эллинизма⁴⁷.

По собственным общефилософским убеждениям Паллад — эклектик, однако аргументы эпикуреизма, данной «настоящей философии Римской империи», у него все же доминируют⁴⁸.

В Палатинской антологии Палладу относится 151 сатира, и приблизительно двадцать эпиграмм приписываются ему по некоторым предположениям. Данное богатое достояние последующим способом делится согласно томам антологии. В томе V (романтические эпиграммы) — только одна эпиграмма Паллада; в томе VI (посвятительные эпиграммы) — три; в

⁴⁶ Шульц Ю.Ф. Паллад Александрийский. Эпиграммы//Византийский временник. — М., 1964. — Т. 24. — С. 259.

⁴⁷ Шульц Ю.Ф. Паллад Александрийский. Эпиграммы//Византийский временник. — М., 1964. — Т. 24. — С. 259.

⁴⁸ Соболевский С.И. История греческой литературы. — М., 1960. — С.132.

томе VII (эпитафии) — 10; в томе IX (описательные эпиграммы) — тридцать восемь; в томе X (увещательные эпиграммы) — сорок восемь; в томе XI (сатирические эпиграммы) — сорок семь. XV труд, в каком месте размещены эпиграммы «неоднородного» содержания, включает в целом 1 эпиграмму Паллада. В конечном итоге, в XVI томе, который представляет собой антологию Плануда, византийского филолога-монаха (1260—1310 гг.), — три произведения в стиле эпиграммы авторства Паллада⁴⁹.

Эпиграммы, приписываемые Палладу, распределяются согласно V—XI томам антологии, однако больше всего их в XI томе (девять эпиграмм).

Творчество Паллада разнообразно. Писатель осмеивает отшельничество, осуждает благополучие и богатеев, славословит разумность и застенчивость в жизни, жалуется на бедственное состояние грамматика. Сто пятьдесят дошедших вплоть до нас эпиграмм Паллада различаются большими поэтическими достоинствами. Стихотворение его весьма изящны и справедливы; сущность их проникнута тонким и печальным юмором⁵⁰.

Все без исключения симпатии Паллада очевидно на стороне гибнущего идолопоклонства, неминуемость окончания коего он, однако, четко сознает, что заметно, к примеру, из эпиграммы на скульптуру Геракла, перевёрнутую христианами (AP, IX, 441):

Медного Зевсова сына, которому прежде молились,
Видел поверженным я на перекрестке путей
И в изумленье сказал: «О трехлунный, защитник от бедствий,
Непобедимый досель, в прахе лежишь ты теперь!»
Ночью явился мне бог и в ответ произнес, улыбаясь:
«Времени силу и мне, богу, пришлось испытать»⁵¹.

⁴⁹ Античность и Византия / отв. редактор Фрейберг Л.А. — М., 1975. — С. 70.

⁵⁰ Аверинцев С. С. Византийская литература VII—IX вв. // История всемирной литературы: В 8 томах — М., 1984. — Т. 2. — С. 349.

⁵¹ Шульц Ю.Ф. Паллад Александрийский. Эпиграммы // Византийский временник. — М., 1964. — Т.24. — С.260.

Господствующий характер лирики Паллада — отважная, однако пессимистичная ироничность: его персонаж — нуждающийся ученый муж, обороняющийся против невзгод бедности и семейной жизни сарказмами (претензии на финансы затруднения и злобную супругу станут в византийской лирике известным общим пунктом)⁵².

Сатирические эпиграммы Паллада, в каковых он осмеивает врачей, грамматиков, ужасных артистов, живы и остроумны; невероятно свойственна для него эпиграмма «На монахов» (AP, XI, 384); в ней ярко заметно пренебрежение данного «последнего идолопоклонника» к новейшей вере⁵³:

Если зовутся они «одинокими», что ж их так много?

Где одиночество тут, в этой огромной толпе?⁵⁴

Есть, между тем, у Паллада эпиграммы, в каковых он представляет собой нешуточным мыслителем и какие лишены любой издевки. Такая эпиграмма, обращенная к проповеднице неоплатонизма Ипатии:

Когда ты предо мной и слышу речь твою,

Благоговейно взор в обитель чистых звезд

Я возношу, — так все в тебе, Ипатия,

Небесно — и дела, и красота очей,

И чистый, как звезда, науки мудрой свет, —

и эпиграмма, в каковой Паллад, отклоня языческие взгляды, мучающие лица в его недолговечной, физической оболочке, является уверенным монотеистом:

Тело — мученье души, ее Мойра, Аид, Неизбежность,

Бремя, оковы ее и средоточие мук.

Если ж из тела она изойдет, значит сбросив оковы

Смерти, умчится она к богу бессмертному ввысь.⁵⁵

⁵²История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. — М., 1967. — С. 423.

⁵³ Соболевский С.И. История греческой литературы. — М., 1960. — С.132.

⁵⁴ Паллад Александрийский. Эпиграммы «Палатинской антологии» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Миробиблион» - URL: <http://myriobiblion.byzantion.ru/pallad.htm> (дата обращения: 20.03.2017)

Во многочисленных эпиграммах он обрушивается на собственных идеологических соперников — Гессия и Фемистия.

Реминисценции же античного, мифологического и исторического содержания Паллад часто использует в морализаторских целях. Образы, которые он при этом привлекает, возможно, к его времени уже стали привычной топикой в практике византийской школы. Так, осуждая болтливость и излишнюю словоохотливость, он пользуется образом Пифагора, осуждая обжорство, — образом Тантала, касаясь чувства привязанности к родине, которое сильно изменилось уже у эллинистического человека, он обращается к эпизодам и всем сентенциям по этому поводу, содержащимся в «Одиссее». Однако мотивы горечи и разочарования у Паллада настолько сильны, что они отодвигают на второй план всю эту античную орнаментику⁵⁶.

Жалкий в домашней жизни (имя его супруги — Андромаха — обозначает в буквальном смысле слова «борющаяся с супругом»), Паллад зачастую атакует в представительниц слабого пола в злых строчках. Тем не менее Паллад — в большей степени эпиграммщик-сатирик, яркий специалист непосредственно данного рода эпиграмм. Современники предоставили Палладу кличка «Метеор» («большой», «благостепенный»); этим они вынесли большую оценку эпиграммам известного стихотворца⁵⁷.

2.3. Павел Силенциарий

Подъем эпиграмматической поэзии настает в VI в., столетии Юстиниана. Павел Силенциарий – единственный из тех, который оживляет в

⁵⁵ Петровский Ф.А. Византийские эпиграммы // Византийская литература / отв. Аверинцев С.С. — М., 1974. — С. 166.

⁵⁶ Аверинцев С. С. На перекрестке литературных традиций: (Византийская литература: истоки и творческие принципы) // Вопросы литературы. — 1973. — № 2. — С. 155.

⁵⁷ Шульц Ю.Ф. Паллад Александрийский. Эпиграммы//Византийский временник. – М., 1964. – Т.24. – С. 260.

данный промежуток эпиграмму в её традиционной безупречности, какого она добилась в III-I вв. до н.э.⁵⁸

Реставраторский курс Юстиниана в какой-то степени способствовал увеличению классицистической направленности в литературной жизни. Обстановка существовала двойственная вплоть до парадоксальности: Юстиниан безжалостно преследовал отступления от христианской идеологии, однако в литературе побуждал этот внешний стиль, какой был взят у языческой классики. По этой причине в половине VI в. процветают два направления: историография, существующая престижем римской государственности, и эпиграмма, существующая престижем унаследованной с древности культуры⁵⁹.

В эпиграмматику периода Юстиниана доминируют относительные традиционные аргументы; только лишь в некоторых случаях элемент сентиментальности либо эротическая напряженность выдают установление новейшего периода. Придворные стихотворцы правителя, усердно выкорчевывавшего части идолопоклонства, образуют собственное призвание в стандартных предметах: «Приношение Афродите», «Приношение Дионису» и т. п.; когда же они принимаются за христианскую проблему, они превращают её в игру разума. Павлу Силенциарию довелось согласно заказу правителя восхвалить только что созданную св. Софию: он принимается за самую благодарную часть собственного изысканного экфрасиса — представление ночной иллюминации купола — мифологическим способом Фаетона (ребенок Гелиоса, пробовавший управлять его безоблачной колесницей):

Все здесь дышит красой, всему подивится немало

Око твое. Но поведать, каким светозарным сияньем

Храм по ночам освещен, и слово бессильно. Ты молвишь:

⁵⁸ Петровский Ф.А. Византийские эпиграммы // Византийская литература / отв. ред. Аверинцев С.С. – М., 1974. – С. 169.

⁵⁹ История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. – М., 1967. – Т.1. – С. 423.

Некий ночной Фаетон сей блеск излил на святыню!..⁶⁰

Из творений Павла Силенциария, служившего при дворе Юстиниана в должности «стража безмятежности и спокойствия», нам установлено 80 любовных и описательных эпиграмм. И эти и прочие говорят о большом даровании и умении создателя. Эпиграммы «На прибрежный сад», «На сады Юстиниана» и огромное стих «В пифийские горячие источники» замечены тонким чувством естества⁶¹.

Среди эпиграмм периода Юстиниана в особенности наглядно акцентируются эпиграммы, размещенные в Палатинской антологии в V томе, т.е. романтические эпиграммы.

Любовные эпиграммы Павла либо полны неподдельного ощущения, либо утонченно саркастичны⁶². Данное возможно проанализировать в этих эпиграммах:

Сладко, Лаида, друзья, улыбается, сладко и слезы
Льет мне она из своих тихо опущенных глаз.
Долго вчера она у меня беспричинно рыдала
И головой к моему все припадала плечу.
Плакала горько, а я ее целовал, и сливались
Слезы в единый поток, нам орошавший уста.
Но на вопрос мой – «О чем же ты плачешь?» - она отвечала:
«Бросишь меня, я боюсь: все ведь обманщики вы». (V, 250)
Я, Гипподама целуя, мечтаю в душе о Леандре;
Если ж к Леандра губам я прижимаю свои,
Образ Ксанфа в груди у меня; обнимаю я крепко
Ксанфа, а в мыслях опять я Гипподама зову.
Каждый в объятьях моих мне не мил: то того, то другого,

⁶⁰ История Византии /отв. редактор Сказкин С.Д. – М., 1967. – Т.1. – С. 425.

⁶¹ Соболевский С.И. История греческой литературы. – М., 1960. – С. 134.

⁶² Петровский Ф.А. Византийские эпиграммы // Византийская литература / отв. ред. Аверинцев С.С. – М., 1974. – С. 171.

Попеременно обняв и привлекая к себе,
Я Кифереей богата. А та, что меня попрекает,
Пусть себе будет в бедности с мужем одним (V, 232)⁶³.

Первая из данных эпиграмм сочинена гетерой, что заметно согласно завершающим речам, а 2-ая сочинена или наиболее здравомыслящей гетерой, или какой-либо вежливой женщиной при дворе Юстиниана⁶⁴.

Второе, согласно количеству, положение занимают посвятительные и декламационные эпиграммы у Павла. Из посвятительных эпиграмм в особенности любопытны прописанные с личности каллиграфов (VI, 64-66), т.к. в них описываются орудия письма, какими пользовались в тот период.

Первая из «увещательных» эпиграмм Павла в X томе направлена к морякам-купцам и приурочена к, равно как и большая часть первоначальных эпиграмм данной тома, господу-хранителю пристаней Приапу, с личности коего рассказывается (X, 15)⁶⁵.

В общем же и целом мировоззрение Паллада складывается из кинизма, эпикурейства и неоплатонической философии, что весьма характерно для человека переходной эпохи, отошедшего от старых религиозных норм и не принимающего новых. Упоминаний античных народных богов и культов у Паллада почти нет: их порой заменяют восточные мотивы — Исида, Серапис и др. Но к христианам он относится с насмешкой и неприязнью. Особенно раздражает его бесцеремонное отношение приверженцев новой религии к произведениям древнего изобразительного искусства.

Произведения Павла Силенциария полны античным мироощущением. Одним из произведений, выделяющимся на фоне остальных, является

⁶³ Павел Силенциарий. Экфрасис храма св. Софии. Эпиграммы «Палатинской антологии» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Миробиблион» - URL: <http://myriobiblion.byzantion.ru/pavel.htm> (дата обращения: 25.03.2017)

⁶⁴ Петровский Ф.А. Византийские эпиграммы // Византийская литература / отв. ред. Аверинцев С.С. – М., 1974. – С. 172.

⁶⁵ Петровский Ф.А. Византийские эпиграммы // Византийская литература / отв. ред. Аверинцев С.С. – М., 1974. – С. 174.

экфрасис на построенный собор святой Софии, который ему было поручено воспеть. Однако и это стихотворение не обходит античная тематика.

Таким образом можно сделать вывод о том, что в ранний период развития Византийской империи очень сильна связь с античным миром, которую мы видим, на примере работ Павла Силенциария и Паллада Александрийского.

Глава III. Развитие церковной поэзии в IV – VI вв.

3.1. Церковная поэзия Григория Богослова

Ежели Афины IV—V вв. были основным средоточием уходившей в далекое прошлое языческой культуры, в таком случае в это же самое время новейшая философия, новейший уровень культуры образуется в Византии в работах адептов так именуемого каппадокийского кружка в творчестве Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского⁶⁶.

Григорий Назианзин родился приблизительно в 329 году в Арианзе, около Назианза, в семье епископа Назианза Григория (чтобы отличать их как правило отмечают «Григорий Назианзин взрослый» и «Григорий Назианзин меньший»). Приобретя первоначальное семейное обучение, он учился в Кесарии Каппадокийской, приехал в Александрию, а в 350 г. приступил к учебе в Афинской Академии. Далее он подружился с Василием Великим (завели знакомство они, возможно, ещё в Каппадокии). Любопытно, что там же в данный период обучался и дальнейший правитель Юлиан Отступник.

После завершения учебы Григорий преподает в Афинах риторику, возвратившись на родину только лишь в 358 г. Тогда же он и принял Крещение, несмотря на то, что уже после шторма на обратной дороге стал уверенным сторонником принятия Таинства как можно в более раннем возрасте⁶⁷.

После этих событий он удалился совместно с Василием в уединении в его поместье, где возобновлял исследование богословия совместно с суровой практикой. В 361 г. он возвратился в Назианз, где был рукоположен папой в пресвитеры, несмотря на что вскоре снова двинулся в захолустье, тяготясь существованием в обществе.

⁶⁶ Лосский В.Н. Капподокийцы // Богословские труды. – М., 1984. – № 25. – С. 19.

⁶⁷ Аверинцев С.С. Григорий Назианзин // Памятники византийской литературы IV–IX веков. – М., 1968. — С. 105 – 123.

Однако в завершении 363 года он возвратится к родителю и придёт на помощь ему в управлении епархией⁶⁸. В 372 г., согласно настоянию Василия Великого он стал епископом Сасим, однако приехав туда и узрев, то что город представлял собой, удалился в глушь. Но пожелание пожилого родителя вынудили его возвратиться вновь в Назианз и оказать помощь в управлении общиной вплоть до самой его кончины в 374 г. Уже после этого, он ещё определенный период распоряжался епархией согласно мольбам населения мегаполиса. 379 год дал святителю новость о кончине Василия и предложение от нового правителя Феодосия принять кафедру Константинополя, пребывавшего в этот период под угнетающей властью ариан. Но страстные выступления святителя привели к тому, что через год практически все без исключения общины мегаполиса возвратились к Никейскому вероисповеданию⁶⁹.

Участвовал Григорий и в Втором Вселенском Соборе, где снова возвысилась проблема о правомочности сохранения Сасим и занятия кафедры столицы. Никак не стремясь быть предпосылкой ссоры, святой по собственной воле оставил Царьград и снова уехал в уединение в собственное поместье⁷⁰.

Григорий Назианзин, знаменитый в духовной традиции под именем Богослова, был целую жизнь близким товарищем Василия Кесарийского и его единомышленником в догматических и духовно-общественно-политических разногласиях столетия; однако сложно показать для себя лица, какой был бы меньше подобен на властного Василия, нежели восприимчивый, углубившийся в самого себя, свободно ранимый грубостью существования Григорий⁷¹. Аналогичное отличие делит и их литературное творческое

⁶⁸ Der Nersessian, S. The illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: A study of the connections between text and images. — Paris, 1962. — P. 125.

⁶⁹ Аверинцев С.С. Григорий Назианзин // Памятники византийской литературы IV–IX веков. — М., 1968. — С. 105 – 123.

⁷⁰ Игумен Иларион (Алфеев). Жизнь и учение святителя Григория Богослова. — М., 1998. — С.52.

⁷¹ Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. — М., 1984. — С. 303.

наследие. В целях Василия литературный труд — единственный из методов направленного влияния на людей во имя дела, в целях Григория — основное удовольствие существования, какую позволил для себя данный аскет. У него весьма немало вкуса к литературе как забаве со строгими предписаниями.

Григорий Назианзин выдвигается на фоне собственного периода и предвосхищает дальнейший период тем, что немало и с удовольствием слагал стихотворения — слагал, в основном, для себя, с целью заполнения часов досуга, равно как в свое время рассматривал свободное время Аристотель. Стихотворения появлялись у него с воздушностью, с уже давно растерянной к его периоду щедростью, около как-то раз прописанного стихотворения на определенную проблему непосредственно собой возникал целый ряд синхронных разработок этого же мотива — вариации, 10-ки вариаций.

Григорий Назианзин в абсолютно всех собственных 408 стихотворениях конкретно придерживается особенностей метрического стихосложения. Жанры его стихотворений многообразны: эпиграммы, дружественные либо яростные («На Максима», '«На любящих богатство», «На лицемерных монахов»), короткие, точные гномы (изречения), ведущие собственное основание с Гомера и Гесиода, крупные поэмы («На свою жизнь», «Спор жизни духовной с жизнью мирской», «От Никобула-отца к сыну»), гимны (к примеру, «Гимн Христу»)⁷².

Однако лироэпическому творчеству Григория свойственно новейшее мировосприятие, что всеильно проталкивается через давнюю классическую форму⁷³. Оно проявляется в первую очередь в целом в комбинации 2-ух частей: ощущения крайне индивидуального с ощущением общечеловеческим. Тем самым исполняется главное правило истинной лирической поэзии, на которой выросла древнегреческая лирика периода

⁷² Der Nersessian, S. The illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: A study of the connections between text and images. — Paris, 1962. — P. 130.

⁷³ Говоров А. В. Св. Григорий Богослов как христианский поэт. — Казань, 1886. — С. 74.

расцвета (раннее творческий процесс Ивика, Солон, Пиндар); в период эллинизма и «серебряного века» римской литературы это правило было нарушено потерей 2-го элемента⁷⁴.

В качестве христианского аскета, целую жизнедеятельность бившегося с собою и в данной войне сроднившегося основательно заглядывать в собственную душу, в качестве лица, одаренного редкостной уязвимостью с целью мучения, в конечном итоге в качестве пронизательного отпрыска собственной периода и старшего современника Августина, он способен совершать совершенно другое — преобразовывать стихосложение в покаяние, в анализ, в способ «излить душу» и отыскать выход для накипевших слез. Опять-таки, и заглядывания в себя, и «слезности» в поэзии Григория немало. Вот один из образцов:

Увы, нет меры, нет конца борению!
Увы, все длится странствие житейское,
В разладе с целым миром и с самим собой,
И образ божий красоты лишается!
Какой же дуб такие вихри выдержит?
Какой корабль такие бури вытерпит?
Иссякли силы, изнемог я в горести!
Не доброй волей отчий сан воспринял я,
Приняв, нашел святыню расточенною;
Друзья врагами стали; плоть недуг язвит;
Каменьями толпа меня приветствует;
Отъята паства, чада же духовные
Одни со мной разлучены, другие же
Спешат предать. Увы, печаль отцовская!
Собратья же по сану, злее недругов,
Забыли и о трапезе таинственной, {303}
Об общей доле в пастырском служении,—

⁷⁴ Фрейберг Л.А. Памятники Византийской литературы IV-IX веков. – М., 1968. – С. 24.

О том, что и в презренном подобает чтить:

Не подают мне утешенья в бедствиях,
Спиною повернувшись к одинокому⁷⁵.

Индивидуальный, биографический, «откровенный» вид стихов присущ творениям Григория. То же приходится отметить, несомненно, и о пятистрочной ямбической эпиграмме, сжато суммирующей те же сетования на безжалостность столетия, тем более ужасную в бывшем друге, в единовеце, в духовном облике:

Горька обида. Если ж уязвляет друг —
Двойная горечь. Если ж из засады бьет —
Тройная мука. Если же брат по вере твой —
Скрепись, душа. Когда же иерей, — увы,
Куда бежать, кого молить, как вытерпеть?⁷⁶

Григорий Назианзин равно как писатель может быть назван отцом византийского «классицизма». Антикизирующий вид присущ и этой доли его версификации, что наиболее конкретно выражает его христианские эмоции. Единственный из его более великолепных гимнов сочинен гекзаметром и до такой степени далек специально библейских тем, что германскому филологу прошедшего века могла придти в голову хотя и неосновательная, однако пребывающая в границах возможного предположение, в соответствии с каковой писатель гимна — никак не Григорий, а идолопоклоннический мыслитель Прокл⁷⁷. На самом деле, стихотворение крутится в области подобных мистико-мировоззренческих определений, какие существовали общими для языческой и христианской отраслей духовного умозрения⁷⁸. Оно представляет онтологический исток и предел всего настоящего и явленного, который непосредственно оказывается невообразимым и неизрекаемым, явленным только через знак, — аргументы, встречавшиеся ещё у Платона,

⁷⁵ Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. — М., 1984. — С. 303-304.

⁷⁶ Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. — М.: Наука, 1984. — С. 304.

⁷⁷ Jannius A. Eclogae e Proclo de philosophia Chaldaica. Halis Saxonum, — 1891. — P. 77.

⁷⁸ Игумен Иларион (Алфеев). Жизнь и учение святителя Григория Богослова. — М., 1998. — С. 154.

весьма нередкие у Филона, у герметиков и Плотина, достигнувшие собственного традиционного формулировки через столетие уже после Григория у Псевдо-Дионисия Ареопагита::

О, Превышающий все! Что ж еще тебе я промолвлю?
Как тебя слову восславить? Для слова ты несказуем.
Как тебя мысли помыслить? Для мысли ты непостижен.
Неизречен ты один, ибо ты — исток всех речений.
Неизъясним ты один, ибо ты — исток всех познаний.
Все и речью своей, и безмолвьем тебя славословит;
Все и мыслью своей, и безмысльем тебя почитает;
Все алканья любви, все порывы душ уязвленных
Вечно стремятся к тебе; и целый мир совокупно,
Видя твой явленный знак, немое приносит хваленье,
Все пребывает в тебе, и все ты объемлешь собою,
Как всеобщий предел, как Единый, как все, и, однако,
Как ничто из всего! Всеимянный, ты безымянен;
Как же воззвать мне к тебе? Какой из умов занебесных
В свету проникнет, тебя сокрывшие? Будь благосклонен,
О, Превышающий все! Что ж еще тебе я промолвлю?⁷⁹

Конечно, в случае если данный гимн и имел возможность быть сочинен кем-нибудь с запоздалых неоплатоников, он совсем никак не имел возможность бы появиться в традиционный период античности; «алканья любви» и «порывы душ уязвленных»; несовместимы с этим холодным престижем дистанции, какой выделяет языческую эллинистическую гимнографию. Однако в исключительно стилевом взаимоотношении общепhilosophическое восхваление Григория ничем никак не различается от подобных творений древней размышляющей музыки, равно как, к примеру, песня Зевсу стойка Клеанфа: эта же смысловая конструкция, исходящая из антитезы божества и мироздания, эта же фразистая интонация, эта же

⁷⁹ Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. – М., 1984. – С. 305.

«гомеровский» лексический состав, этот же размер. Тот и другой гимны предусмотрены с целью чтения в тишине кабинета, вовсе никак не с целью богослужебного быта⁸⁰.

Литургическим песнопением гимн Григория никак не имел возможность быть, и притом по 2 обстоятельствам: не только лишь по причине его непонятной лексики и в особенности его старой просодии, делавшей его негодным для вокала, однако и по причине недоступности в нем актуальной догматической топики. В бешеный период доктринальных диспутов богослужебный текст вызван был разделять ортодоксальное учение от лжи и обозначать его в головах верующих (тем более, что за стенами церкви пелись еретические гимны). Гимн Григория далек от такой функции. Такой факт описывает не столько самого «Богослова», который не менее кого бы то ни было из собственных современников постарался над исследованием догмы, сколько характер его версификации. В доказательство сошлемся на знаменательное обстоятельство: Григорий Назианзин сыграл в событиях грядущей византийской гимнографии значительную роль как муза и пример духовных «песнопевцев», однако исполнил он её не равно как писатель, а равно как специалист гомилетической прозы⁸¹.

Скончался он 25 января 389 года в Назианзе. Блаженный Григорий был погреблен в г. Назианзе. В 1 половине V в. в честь него в Константинополе был создан монастырь и вынесены его мощи. В 950 г. мощи св. Григория были поделены: одна часть их положена была в храме Апостолов, иная – в храме св. Анастасии. Имеется его мощи в настоящее время и в Риме в храме Св. Петра. В собственном завещании (составленном вероятней в целом в 381 г.)⁸² Григорий, выполняя волю собственного отца, отдал собственное

⁸⁰ Зяблицев Георгий. Платонизм и богословие св. Григория Богослова // Выбор. – М., 1990. – № 8. – С. 34.

⁸¹ Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. – М., 1984. – С. 305.

⁸² Brian Daley. Gregory of Nazianzus. — London, New York: Routledge, 2006. — P. 185.

семейное поместье епархии, а кроме того велел предоставить независимость собственным рабам⁸³.

Григорий Богослов был одаренным писателем и стихотворцем. Вплоть до современных дней сохранилось 45 выступлений, в этом числе «5 слов о богословии», в которых святой отстаивал постановления Никейского храма от ариан. Помимо этого, знакомы его 243 послания и 507 поэм, в этом числе автобиографические поэмы «О моей жизни», «О моей судьбе», «О страданиях моей души», а кроме того гимны, попавшие в быт православного вокала.

3.2. Гимнография Синезия Киренского

Отдалены от действительности религиозного быта гимны иного преемника прежней эллинистической культуры, однако лица никак не менее духовного — Синезия Киренского, о писательской позиции коего ранее шла речь выше.

Потомок древней языческой семьи, он растился в Александрии и позже был посвящен в мистерии неоплатонической философии. Он поменял собственные привязанности с Платона на Христа, повенчался на молодой женщине-христианке и стал в последние года собственной жизни епископом Птолемаиды. Невзирая на все это, Синезий, возможно, постоянно ощущал себя более идолопоклонником, нежели христианином. Его миссия в Константинополь и его речь-обращение (address) «О царстве» демонстрируют его заинтересованность к политическим деятелям. Его гимны, сочиненные метрикой и манерой традиционной версификации, демонстрируют странную соединение философских и христианских

⁸³ Martroye F. Le testament de saint Grégoire de Nazianze // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires. — France. — P. 63.

представлений. Он ощущал, что традиционная культура, что была так ему дорога, близилась к собственному краю⁸⁴.

Гимны Синезия, невзирая на собственную христианскую базу, ещё непосредственно объединены с обыкновением греко-римского политеизма и различаются непосредственно переходным нравом. Писатель хорошо представляет Гомера и Платона, однако в особенности близки ему его предшественники, писатели так называемой 2-ой софистики, либо эллинистического Ренессанса: Плутарх, Дион Хризостом, Элий Аристид.

Гимны Синезия обладают, безусловно, философско-церковную тон. Период их образования четко никак не определено. Вернее всего они укладывались в 3 приема — приблизительно 395 г., в завершении 402 г. (перед вступлением в брачный союз) и в период епископства Синезия (410—412 гг.).

Он составил собственные славословия в исключительно книжном дорийском диалекте и кроме того в таком тоне, будто бы адресует их никак не Христу, а одному из олимпийцев:

На дорийский лад на струнах,
Что скрепляет слоновою кость,
Запою я звучный напев
В честь твою, бессмертный, святой,
Многославнейший девы сын!
Ты мне жизнь сохрани мою
И безбедной сделай, о царь!
И закрыт будет вход скорбям
Пусть в нее и ночью, и днем!
Ты мой дух огнем озари,
Что течет из ключа ума,
Членам тела силу даруй...⁸⁵

⁸⁴ A. Fitzgerald. *Essays and Hymns of Synesius of Cyrene*. — London, 1930. — P. 100.

Иисус, как его воспевают Синезий,— скорее сын отца богов, нежели бога-отца. Картину воскресения и вознесения Христа эллинизирующий поэт раскрашивает абсолютно всеми красками астральной и солярной мифологии. Вся сущность при этом насмехается, как возлюбленная хохотала у эллинистического стихотворца VI в. вплоть до н. э. Феогида в момент появления на свет Аполлона:

Изумился бессмертный хор
Лучезарных чистейших звезд,
Засмеялся Эфир-мудрец,
Благозвучье родивший в мир:
Он на лирных семи струнах
Сотворил из звуков напев
И победную песнь запел.
Улыбнулся светоч зари,
Предвещающий светлый день,
Улыбнулся Геспер ночной,
Кифереи золотая звезда,
И Селены двурогий лик,
Наполняясь струей огня,
Пред тобой, как вестник, пошел,
Словно пастырь богов ночных.
И широко лучи кудрей
Разметал по небу Титан
По путям несказанным своим:
Он рожденного Бога познал,
Он Зиждителя Ум постиг,
Он источник огня узрел⁸⁶.

⁸⁵ Гимн VIII, ст. 1—12. Памятники византийской литературы IV—IX веков. — С. 110. Пер. М. Е. Грабарь-Пассек.

⁸⁶ Гимн IX, ст. 34—54. — Там же. С. 112. Пер. М. Е. Грабарь-Пассек.

Таким образом, Иисус, сопровождающийся Гелиосом (Титаном), Селеной и планетой Венерой, направляет собственный курс к высшим областям бытия, где его принимает бог Эон, олицетворение вечности.⁸⁷

Дело идет ни больше ни меньше, как о том, чтобы внедрить Христа в олимпийский мир создателей и порекомендовать ему роль по правую сторону Зевса. Это давняя цель, что обладала языческими мистиками ещё в II—III вв., когда они придумывали речения оракулов, в которых устами древнейших божеств расхваливался Иисус, хотя жестко порицались христиане; она станет существовать и для гуманистов италийского Ренессанса вроде Марсилио Фичино. Если б то, что случилось в первоначальные столетия нашего летосчисления, существовало не основательным духовным переворотом, а только изобретением определенных новейших ценностей, способных примкнуть к прошлым без урона с целью последних, — тогда, может статься, прекрасным гимнам Синезия предоставлено было б сформулировать значение начинавшейся в его период эпохи; однако путь истории направился по-другому. И все же постольку, поскольку подчиненные Ромейской державы были преемниками эллинизма, в составе византийской культуры настойчиво удерживалось что-то, предугаданное поэтической образностью Синезия⁸⁸.

При жизни поэта гимны не были изданы, однако посмертная публикация сделала их весьма популярными и в том числе и распространенными. Согласно собственной форме гимны Синезия — это реальные мелические творения (вовсе никак не классический эпичный гексаметр), схожие согласно собственной строфике и метрике к общенародной песне и определенным традиционным формам древнего мелоса (анакреонтическая мысль, анапестические метры).

⁸⁷ A. Fitzgerald. *Essays and Hymns of Synesius of Cyrene*. — London, 1930. — P. 15.

⁸⁸ Аверинцев С.С. *Литература // Культура Византии IV-VII вв.* — М., 1984. — С. 303.

Композиция гимнов довольно единообразна. Сначала необходимо вводная инвокация (заявление), далее основная доля: одобрение и возвеличивание божества; затем замыкающая просьба о поддержке⁸⁹.

Гимн IX (I), по-видимому, имеет смысл аналогичный языческому неоплатонизму:

Что же, в сердце возникая,
Порождает песню божью?
Тот, кто сам себе начало,
Управитель и родитель,
Нерожденный, совершенный,
Восседает бог предвечный
Облечен бессмертной славой.
Он — единство в единенье
И первичная монада.
Простоту в многообразье
Ты, связуя, порождаешь
Сверхъестественным рождением;
И она, приняв начало,
Через образ первозданный
Разлита непостижимо.
Мощью тройственной владеет
Сверхвещественный источник,
Красотою чад увенчан,
Что, родясь из средоточья,
Средоточье обтекают.
Замолчи, моя форминга,
Замолчи! Дерзать не смеешь
Разглашать святые тайны!
То, что выше, скрой в молчанье,

⁸⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. — М., 1992. — Кн. I. — С. 19.

Воспевай пути земные⁹⁰ ...

Тут, разумеется, различимы 2 монады: одна превыше всего и недостижима практически никакому делению, иная разделяется на 3 этапа. Однако оценка данных 3-х факторов обладает мало общего с христианским учением о троичности. Тут даже отсутствуют подобные определения, равно как, например, «ум» либо «слово». А на третьем месте основание и вовсе характеризуется (в подлиннике) равно как «душа космоса». Заключительное в особенности кидается в взгляд в мощь собственного исключительно языческого нрава.

В гимне V(II) пантеистическая единство неоплатонизма предоставляется уже при поддержке христианской терминологии. 1-ое начало уже называется Отцом, 2-ое — Сыном и на третьем месте — Духом святым. Возникает и неоплатонический название «ум» для характеристики 2-го истока⁹¹:

Вновь светает, снова — Эос,
Снова день пролил сиянье
После мрака ночи черной,
Снова пой, душа, ликуя,
Богу утренние гимны!
Он зажег сиянье Эос,
Он украсил ночь звездами,
Сим вселенским хороводом.
Понт бурливый — матерьяльность
Всю — эфир собой окутал,
Там светя цветком горящим,
Где преславная Селена
Ослабляет свет по краю.

⁹⁰ Синезий Киренский. Митрополит Птолемаиды и Пентаполя. Трактаты и гимны / отв. ред. Сапожникова С.Д. – СПб., 2012. – Т.1. – С. 243.

⁹¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. — М., 1992. — Кн. I. — С. 21.

Над восьмым круговращеньем
Звездоносного потока
Есть иной поток — беззвездный,
Что движением возвратным
Небо вглубь влечет и в пляске
Ум великий обтекает,
Ум, что высь владыки мира
Кроет светлыми крылами.
Дальше — высшее молчанье,
Всеблаженное, покрыло
Неделимое деленье,
То, что мысленным вершится
С постигаемым умами.
Ключ один — единый корень
Просиял тройным сияньем —
Ибо где отцова бездна, —
Там и сын его преславный,
Порожденье его сердца,
Мирозидущая мудрость,
С ними вместе — свет единый
Воссиял святого духа...⁹²

3.3. Новая форма гимнографической поэзии в работах Романа Сладкопевца: кондак

Песнетворчество духовных создателей предоставило чрезмерное обилие богослужебного гимнографического материала, равно как в значении

⁹² Синезий Киренский. Митрополит Птолемаиды и Пентаполя. Трактаты и гимны / отв. ред. Сапожникова С.Д. – СПб., 2012. – Т.1. – С. 237.

его обширности, так и многообразия форм. С целью моей работы немаловажно выделить кондаки и икосы.

Кондак, в его нынешнем виде и размере — незначительное песнь в 1-2 строфы, весьма похожее на тропарь. Оно повторяется и в литургии, и в повечерии. Совершенно другое представлял собой кондак согласно своему происхождению и древнейшему употреблению. Хроника его поучительна, хотя и не полностью ещё исследована⁹³.

Сам термин "кондак" — *κόντακιον* некоторые производят от *κόνταξ* (равно как его уменьшительное) — "копье"; однако вероятнее осуществлять его с *κοντός* — палочка, на которую наматывался свиток пергамента, называвшийся *ἰλητάριον*⁹⁴. Собрания таких «кондаков» называются кондакариями.

Однако если в наших нынешних богослужебных томах это песнопение захватывает наиболее скромную роль и пропадает в широких песнях канона, то в давние времена, вплоть до возникновения канонов, кондак занимал абсолютно незаурядную роль в суточном и годовом богослужении. Он вовсе не ограничивался одной строфой, а показывал собой независимое и огромное лироэпическое творение, так сказать, целостную богословскую поэму. Древнейшие песнопения в его традиционном виде — цепочка из двадцати — тридцати строф, со временем развивающих одну единую тему⁹⁵. В данной поэме необходимо отличать соответствующие составные части: первоначальная строфа, сочиненная одним, необыкновенным для в целом творения, размером; икосы, количеством чаще всего 24, прописанные одной единой для всех величиной; припев в один-два стиха. Припев этот считается заключительной тирадой вводной строфы, «кукуля». Инициалы абсолютно всех строчек, равно как икосов, таким образом и кукуля, представляют

⁹³ Grodidier de Matons J. Ronanos le Melode et les origines de la poesie reiligieuse a Byzance. — Oxford, 1990. — P. 158.

⁹⁴ Киприан Керн. Литургика: гимнография и эортология. — М., 1997. — С. 15.

⁹⁵ Grodidier de Matons J. Ronanos le Melode et les origines de la poesie reiligieuse a Byzance. — Oxford, 1990. — P. 163.

акростих, "краегранесио". Икос по-гречески, следовательно, «дом». Равно как выявило академическое изучение, кондаки первоначально сирийского гезиса; а по-сирийски «Deth» — жилье — способен обозначать и строфа; точно также, равно как по-итальянски «Stanza», следовательно, и строфа, и жилище. Подобным способом, целый кондак образно уподобляется огромному сооружению⁹⁶.

История связывает возникновение кондаков с именем преп. Романа Сладкопевца, современника правителя Анастасия I (491 — 518). Данный писатель был, по-видимому, возникновения сирийского, уроженец с Верита (Бейрута). Кондаки его предполагают непросто выстроенную духовную поэму, весьма схожую, как это доказал Маас на проповеди Василия Селевкийского. И на самом деле, кондаки Романа Сладкопевца во многом идентичны с проповедями. Так как их суть не была сопряжена ни с какой предварительно данной задачей, как это затем произошло с канонами, привязанными согласно содержанию собственных песен библейским, то кондаки разрешали их создателю легко совершенствовать собственную проблему⁹⁷. Созидательное призвание стихотворца легко формировало образы, совершенствовало главную идею торжества либо жития этого святого, богословствовало в стихах.

Со временем, под воздействием укладывавшегося в быт канона, также литургической поэмы, но уже с предварительно данными рамками для любой песни, подогнанными к песням библейским, кондак со временем начал уступать роль новейшему облику духовного песнетворчества и был им почти абсолютно вытеснен⁹⁸. Древнейшие «илитарии» либо «кондакари» сберегли в афонских и синайских книгохранилищах данные капли творчества Романа, однако в богослужебных книжках сохранились только лишь уже после 6

⁹⁶ Киприан Керн. Литургика: гимнография и эортология. – М., 1997. – С. 18.

⁹⁷ Grodidier de Matons J. Ronanos le Melode et les origines de la poesie reilgieuse a Byzance. — Oxford, 1990. — P.278.

⁹⁸ Васильев А. А. Время жизни Романа Сладкопевца // Византийский временник. – М., 1901. — Т.8. — С. 455.

песни канона краткий кондак, то есть по сути старый «кукуль» либо сопутствующий его первый икос. Уже после первых создателей канонов, Андрея, Косьмы, Феофана и самого Иоанна Дамаскина, составлением канонов увлеклись беллетристы второго вида, наиболее или менее успешно перефразировавшие примеры предшественников. А кондаки существовали основательно забытыми. Равно как свидетельствует проф. Миркович: «Роман Сладкопевец изгнан из эллинистической религии и сделался достоянием далекого ему общества, какой ему основал полный культ, изумляясь его благочестию и красе его слов»⁹⁹.

Действительно, уже после работ Мааса и Питры, на Западе занимаются кондаками, их ищут согласно монастырским рукописям, исследуют и превозносят их знаменитого создателя.

Византийская гимнография, выделявшаяся абстрактностью, итеративностью и рационализмом, предпочла следовать согласно стези Андрея Критского. Но в этом ведь самом VI в. появляется совершенно другая поэзия.

Народная согласно атмосфере литургическая поэзия уже после абсолютно всех исследований и розысков IV—V вв. неожиданно приобретает всю полноту зрелости в творчестве Романа, прозванного потомками Сладкопевцем. Непосредственность и решительность, с которой создавал Роман, выглядела современникам чудесным образом; согласно преданию, сама богоматерь в ночном сновидении отверзла ему уста, и в последующее же утро он показался на возвышение и спел свое первое песнь.

Роман — выходец Сирии. В первую очередь нежелали поселиться в Константинополе, он работал диаконом в одной из храмов Бейрута. Сирийские стиховые и мелодические умения несомненно помогли ему отстраниться от догм школьной просодии и переключиться на тонику, которая одна только имела возможность сформировать ясную для византийского общества метрическую систему выступления. Роман основал

⁹⁹ Киприан Керн. Литургика: гимнография и зортология. – М., 1997. – С. 16.

форму так именуемого кондака — литургической поэмы, складывающейся с вступления, что должно чувственно подготавливать слушателя, и не менее чем 24 строф. Эта раскрепощенность, которая в первый раз в истории эллинистической литургийной лирики возникает у Романа, дала возможность ему достигнуть огромной продуктивности; согласно уведомлениям источников, он сочинил приблизительно тысячи кондаков¹⁰⁰.

Роман Сладкопеец - единственный из величайших гимнографов византийского общества. Германский экспериментатор Г. Гельцер именовал его Данте новогреков¹⁰¹. Данные о нем остались в первую очередь в синаксарях, наиболее ранний из которых, Менологий Василия II, принадлежит к окончанию X в. Из иных синаксарей необходимо отметить Берлинский, Иерусалимский и Патмосский, какие, вероятно, сопряжены с никак не дошедшим вплоть до нас житием св. Романа.

Патмасский акт предоставляет соответствующие данные: «В тот же день - воспоминания Романа, создателя кондаков. Он происходил из Сирии, из града Эмесса. Начал дьяконом в Бейруте, в святой Божией Церкви, так называемой церкви Воскресения, переселился же в Царьград в период государя Анастасия и остался служить в храме пресвятой Богородицы в Кирах, в каковой и обрел счастье составления кондаков, когда появилась ему во сне пресвятая Богоматерь в вечер Рождения Христова и свиток пергаменный предоставила и предписала съесть его. Уже после его поглощения Роман незамедлительно пробудился и, взоидя на амвон, стал воглашать и крайне гармонично исполнять: «Дева днесь пресущественнаго раждает»¹⁰².

В притоке воодушевления он тут же составил собственный известный кондак торжества Рождения Христова.

¹⁰⁰ Орлов А.С. Византийская литература // Литературная энциклопедия. – М., 1929. — Т.2. – С.158.

¹⁰¹ Роман Сладкопеец. Кондак Иосифу Праведному / пер. Василик В.В. // ВДИ. – 2008. – №4. – С. 260.

¹⁰² Роман Сладкопеец. Кондак Иосифу Праведному / пер. Василик В.В. // ВДИ. – 2008. – №4. – С. 260-261.

Святой Роман стал педагогом вокала в Константинополе и высоко повысил благолепие православных богослужений. За собственный поэтический дар он занял почтенное место среди духовных песнописцев. Ему приписывают больше тысячи молитв и гимнов на разнообразные торжества. В особенности прославляется акафист Благовещению Богоматери, какой поется в 5 субботу Знаменитого поста¹⁰³.

Безусловно, данное считается утрированием, так как в таком числе не существовало потребности. Песнопения - в первую очередь всего творения литургийные, рассчитанные на соборную литургию - праздничное бдение, которое происходило не каждый день, а в важные торжества. В случае если осуществить цифру 1000 кондаков в буквальном смысле слова, в таком случае данное значило б, что Роману довелось б сочинять приблизительно по 3 кондака в каждый день года, и любой день в Константинополе обязано б происходить соборное бдение. В настоящее время выявлено 88 кондаков, приписываемых Роману Сладкопевцу¹⁰⁴. Многие, из которых вплоть до сих времен применяются в богослужении Православной Церкви.

Отказавшись от ретроспективных метрических общепризнанных мерок, Роман обязан был стремительно увеличить значимость подобных факторов стиха, как аллитерации, ассонансы и рифмоиды. Весь данный комплект технических средств был в классической эллинистической литературе, однако постоянно был достоянием риторической прозы; Роман вынес его в версификацию.

Вот два примера (из кондаков «О предательстве Иудином» и «На усопших»):

...Боже, водами стопы омывающий
Устроителю твоего погубления,
Хлебами уста наполняющий

¹⁰³ Васильев А. А. Время жизни Романа Сладкопевца // Византийский временник. – М., 1901. — Т.8. — С. 435.

¹⁰⁴ Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца / пер. Сергея Цветкова. — М., 1881. — С. 115.

Осквернителю твоего благословения,
Предателю твоего лобызания, —
Ты возвысил нищего мудростью,
Обласкал убогого мудростью,
Одарил и облагодетельствовал
Игралище бесовское!..

...Неженатый в тоске угрызается,
Женатый в суете надрывается;
Бесчадный терзаем печальями,
Многочадный снедаем заботами;
Те во браке трудами снедаемы,
Те в безбрачьи бесчадьем терзаемы...

С настоящим богатством языка форм Роман объединяет общенародную целостность чувства, доверчивость и честность моральных оценок. Песнопения об Иуде заканчивается подобным удивительным призывом к отступнику ¹⁰⁵:

...О, помедли, злосчастный, одумайся,
Помысли, безумный, о возмездии!
Совесь свяжет и сгубит грешника,
И в ужасе, в муках одумавшись,
Ты предашь себя смерти мерзостной.
Древо встанет над тобой губителем,
Воздаст тебе сполна и без жалости.
И на что, сребролюбец, польстился ты?
Страшное злато бросишь,
Гнусную душу сгубишь,
И сребрениками себе не поможешь,

¹⁰⁵ История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. – М., 1967. – С. 427.

Продавши сокровище нетленное!¹⁰⁶

Как это ни внезапно, однако исключительно церковная согласно собственной теме поэтичность Романа значительно более свидетельствует о действительной жизни своего периода, нежели очень академичная светская лирика периода Юстиниана. В кондаке «На усопших» с большой внутренней закономерностью появляются фигуры той реальности, что беспокоила плебейских слушателей Романа:

...Над убогим богач надругается,
Пожирает сырых и немощных;
Земледельца труд — прибыль господская,
Одним пот, а другим — роскошества,
И бедняк в трудах надрывается,
Чтобы все отнялось и развеялось!¹⁰⁷

В творчестве Романа подобраны темы и образы, какие более верно высказывали чувствительный мир средневекового человека. По этой причине мы обретаем у него прототипы не только лишь множества творений последующей византийской гимнографии (к примеру, «Великого канона» Андрея Критского), однако и двух известнейших гимнов западного средневековья — *Dies irae* и *Stabat mater*¹⁰⁸.

Роман Сладкопевец значительно превосходил современников масштабом собственного художественного таланта, однако он был никак не одинок. От периода Юстиниана и его наместников дошло достаточно лироэпических и прозаических творений, какие примитивно и немудрено, однако с огромной органичностью выразили ранневизантийский образ существования и миропонимания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в IV-VI вв. получают распространение новые формы церковной литературы – поэзия гимнов.

¹⁰⁶ Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца / пер. Сергея Цветкова. — М., 1881. — С. 121.

¹⁰⁷ Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца / пер. Сергея Цветкова. — М., 1881. — С. 117.

¹⁰⁸ История Византии // отв. редактор Сказкин С.Д. — М., 1967. — С. 429.

Не существовало как таковой единой формы создания церковных гимнов. Они были как различны по форме, так и по содержанию. Если произведения Григория Богослова содержат библейские сюжеты, а произведения Синезия пока еще связаны с античностью, то гимны Романа Сладкопевца можно определить, как полностью христианские. Его гимны отличились не только по содержанию, но и по внешней форме. Он создал новую форму песнопения – кондак, которую не использовали ранее. Период расцвета его поэзии считается временем наивысшего развития византийской поэзии раннего периода.

Глава IV. Светская поэзия Византии VII в.

4.1. Специфика византийского литературного наследия VII в.

В том, что затрагивает литературу и искусства, промежуток с 610 по 717 год считается наиболее черным периодом за весь период жизни империи.

После многогранной работы предыдущего периода, созидательная, творческая работа может показаться на первый взгляд погибшей целиком. Главным фактором креативного бесплодия данного этапа считались, общественно-политические обстоятельства жизнеспособности империи, которая должна была устремлять все без исключения силы в охрану от внешних неприятелей.

Персидское и позднее арабийское завоевание культурно сформированных и результативных в умственном взаимоотношении восточных территорий - Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки, арабийская опасность Малой Азии и даже самой столице, аваро-славянская опасность Балканскому полуострову - все это формировало почти неосуществимые требования для любой интеллектуальной и художественной жизни. Негативные требования доминировали не только лишь в провинциях, захваченных от империи, однако и в тех, что продолжали быть её частью¹⁰⁹.

За весь данный период Византийская держава не располагала ни одним историком. Только лишь священнослужитель Св. Софии Георгий из Писиды (периферия в Малой Азии), который жил в правление императора Ираклия, описывал в мелодических и точных стихах боевые кампании Ираклия против персов и авар. Он оставил 3 исторических писания: «Об экспедиции правителя Ираклия против персов»; «О нападении авар на Константинополь в 626 г. и их поражении в следствии вмешательства Богородицы»; «Ираклиада» - панегирик императору согласно случаю полной победы над персами. Из числа иных сочинений полемического, элегического и

¹⁰⁹ Васильев А.А. История Византийской Империи. – СПб., 1998. – Т.1. – С. 211.

теологического нрава мы можем отметить «Гексамерон» («Шестоднев»), своего рода философско-теологическую нравоучительную поэму по поводу создания мира с намеками на современные создателю действия. Данное творение, затрагивающее любимые сюжеты христианских сочинителей, распространилось за рубежи Византийской империи; к примеру, славянский перевод был выполнен уже в XIV столетии. Лирический талант Георгия Писиды был оценен и в дальнейшие столетия. Нынешнее научное общество расценивает Георгия Писиду как наилучшего византийского светского стихотворца¹¹⁰.

VII столетие в конечном счете для Византии станет переходным. Общество Византийской империи ощущает внезапные изменения абсолютно во всем, включая и собственный географический ареал и народный субстрат. Под напором восточных соседей — сперва персов, а с 634 г. арабов — ромейская держава утрачивает собственные сирийские и африканские территории. В 634 г. пала Александрия, в 635 г. был забран Дамаск, в 697 г. — Карфаген; древние средоточия христианства переключились в руки раннемусульманских завоевателей. В 717—718 гг. арабы встают перед Константинополем; только уже после того, как сия блокада была вынесена, византийцам получилось отвоевать несколько малоазиатских сфер. В наиболее спокойной форме проходит вторжение славян на Балканы вплотную до Пелопоннеса и Крита; оно будет сопровождаемым опустошающими набегами, однако окончится тем, что пришлые общества усвоят византийскую цивилизацию, а в границах Греции ассимилируются с исконным обитателем. После проверок VII в. Византия станет оскудевшим и значительно менее представительным, однако и наиболее органичным государственным образованием, нежели собрание народов, бывшее в правление Юстиниана¹¹¹.

¹¹⁰ Васильев А.А. История Византийской Империи. – СПб., 1998. – Т.1. – С. 212.

¹¹¹ Аверинцев С. С. Византийская литература VII—IX вв. // История всемирной литературы. — М., 1983—1994. — С. 348-349.

Стремительно изменяется и общественный состав империи. Тотальная разруха больше всего грянула по большим латифундиям; застыла муниципальная жизнь.

Все данное с надобностью требовало знакомого упрощения литературы. Традиционные устои утрачивают значение; чувство преемства власти и культуры, всходящего к древним периодам, делается менее важным. Рафинированная фикция древнейших стандартов определяет себе все меньше читателей. При этом в рамках своеобразных внутренних условий Раннего Средневековья эволюция византийской литературы неминуемо обязана была перейти в её сакрализацию; значимость жанров, сопряженных с существованием и запросами религии и монастыря, очень увеличивается. Строгие жанры, отодвинутые в VI в. на периферию писательского дела, сейчас становятся в центре¹¹².

4.2. Особенности светской поэзии Георгия Писидийского

Последним отголоском «высокой» светской поэзии VII в. было творчество Георгия Писиды (прозвище от названия малоазийской области Писидии, откуда Георгий был родом), хартофилака при Ираклии. Неслучайно, что Георгий трудился непосредственно в период Ираклия: данное правление было заключительным просветом перед серьезными десятилетиями аравийского напора, и его современникам могло представиться, что вернется период Юстиниана. Боевым операциям своего величавого патрона Георгий и посвящал собственные крупные бесстрастные поэмы: «На поход государя Ираклия против персов», «На аварское вторжение с изложением боя под стенами Константинополя между аварами и

¹¹² Аверинцев С. С. Византийская литература VII—IX вв. // История всемирной литературы. — М., 1983 — 1994. — С. 349.

жителями города» и «Ираклиада, или на окончательную гибель Хосрова, государя персидского»¹¹³.

Кроме того, к творчеству Георгия относят менее существенные поэмы нравоучительного и церковного содержания; из числа их акцентируется «Шестоднев, или Сотворение мира», доказывающая исключительную начитанность Писиды в древней литературе.

Переводы «Шестоднева» обладали популярностью в Армении, в Сербии и в Руси. Слагал Георгий Писида и ямбические эпиграммы¹¹⁴.

Исторические творения Писиды в особенности любопытны. Главный облик геройского эпоса — правитель, охваченный нимбом воинской славы и отваги. Писатель обозначается певцом славы Ираклия. Невзирая на объективность, стилистический образ и манерность формулировки, данные творения отображают сложность наружного утверждения империи первой половины VII в. и ценны своими подлинными сведениями.¹¹⁵

Творчество Писиды концентрирует в себе интерес ретроспективностью и школьной корректностью его метрики. Значительная доля его творений исполнена в ямбах, какие у него, в отличие от его современников, отвечают общепризнанным меркам мелодической просодии. Он доходит во владении ямбическим триметром такого рода виртуозности, что заставил тонкого ценителя Михаила Пселла (XI в.) серьезно рассматривать в специальном трактате вопрос: «Кто именно лучше строит стих — Еврипид либо Писида?»¹¹⁶. В некоторых случаях он склоняется к гекзаметру; в данных вариантах он тщательно придерживается просодические ограничения школы Нонна. Образная

¹¹³ Whitby, Mary. George of Pisidia's Presentation of the Emperor Heraclius and His Campaigns: Variety and Development // The Reign of Heraclius (610- 641): Crisis and Confrontation / eds. Gerrit J. Reinink, Bernard H. Stolte. – Paris, 2002. – P. 157.

¹¹⁴ История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. – М., 1967. – С. 430.

¹¹⁵ Васильев А.А. История Византийской Империи. – СПб., 1998. – Т.1. – С. 212.

¹¹⁶ Михаил Пселл. Сравнение Еврипида с Писидой (спросившему, кто лучше писал стихи, Писида или Еврипид) / Пер. Т.А.Миллер // Античность и Византия. – М., 1975. – С. 55.

концепция Писиды различается огромной ясностью и чувством меры, которые кроме того вынуждают вспомнить о античных эталонах.

И все же Писида удалился от античности значительно дальше, нежели придворные стихотворцы Юстиниана. Мы встречаем у него изображение Фортуны, невозмутимое в атмосфере безупречнейшего средневекового аллегоризма и принуждающее припомнить 10-ки параллелей с вагантской поэзией или книжной миниатюрой средневековья¹¹⁷:

...Представь в уме плясунью непотребную,
Что с шумом и кривляньем лицедействует.
Изображая бытия превратности
Обманчивым мельканьем суетливых рук.
Срамница млеет, вертится, жеманится,
Подмигивая томно и прельстительно
Тому, кого дурачить ей взбрело на ум,
Но тотчас на другого и на третьего
Все с той же блудной лаской переводит взор.
Все обещает, все подделать силится
И ничего не создает надежного,
Как потаскуха, что с душой остывшею
Ко всем с притворным пылом подбирается¹¹⁸ ...

За средневековой аллегорией с необходимостью добавляется и характерное нравоучение:

Глупцам — престолы, царства, слава, почести,
Со злобой и заботой неразлучные;
Но для того, кто истину постичь сумел,
Престол — молитва, слава — речи тихие...¹¹⁹

¹¹⁷ История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. – М., 1967. – С.431-432.

¹¹⁸ Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. – М., 1984. – С.325.

¹¹⁹ История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. – М., 1967. – С.433.

Все же поэтичность Писиды, с её светской ориентацией, языковым пуризмом и метрической корректностью стремительно акцентируется на фоне писательской продукции собственной эры. Некоторыми поколениями спустя она уже существовала б в качестве анахронизма.

Автор умел показать движение людского чувства довольно наглядно: в обрамляющих строфы вставных составляющих он показывает растерянность Марии пред собственной участью, сомнение Иосифа и т. п. Однако им свойственно, что данные эскизы и зарисовки возлежат на периферии образного целого. Византийская эстетика просила от гимнографа статичности¹²⁰.

Светская ранневизантийская поэтичность была окончена в творчестве Георгия Писиды (конец VI—VII в.). Данный дьякон и хартофилак константинопольской соборной церкви св. Софии был, наверное, наиболее значительным эпическим стихотворцем Византии. Две особенности стремительно различают его как византийского эпика от специалистов эпоса, трудившихся на границе классической и средневековой культур, — к примеру, от Нонна, не говоря уже о версификаторах, в творчестве которых древние особенности доминируют, к примеру, Квинт Смирнский, Коллуф, Трифиодор либо Мусей. Во-первых, он сознательно отворачивается от мифологической проблемы. Для данного уверенного идеолога византийской государственности и славослова войн правителя Ираклия I идолопоклоннический вымысел одиозен и кроме того неинтересен, а традиционная древность предстает в большей степени черной фольгой для сияния новых веков: смотри как плохо в то время и как хорошо сейчас. К примеру, он горазд прибегнуть к Демосфену с высокой фразой о том, что трудности, угрожавшие афинскому оратору в период македонского государя Филиппа, успешно

¹²⁰ Frenzo J.D.C. The Poetic Achievement of George of Pisidia // *Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance studies for Robert Browning* / ed. Ann Moffatt / *Byzantina Australiensia* 5. L., 1984. – P. 165.

пропали в доброе правление Ираклия: «Филиппа нет, есть мудрость повелителя»¹²¹.

Во-вторых, Писида уже не стремится приспособить к новейшей речевой ситуации размер, как данное совершал Нонн, а отрешается от этого классического эпического объема, сменяя его двенадцатисложником, на теоретическом уровне осмыслявшимся как ямбический триметр. Так как ямбический триметр был одним из основных объемов традиционной эллинистической версификации, принципу преемства было воздано подабающее. Но объем данный (типичный в античности вовсе для эпоса, а для иных жанров, к примеру, трагедии и комедии) значительно безболезненнее действовал в обстоятельствах уничтожения в живой речи конструкций долгих и кратких слогов, если настоящим условием стиховой регулярности стала обнаженная изосиллабия: повтор 12-ти слогов проще поймать на слух, нежели повтор 18-ти слогов, безусловно ещё регулярно нарушаемый включением спондеев. По этой причине в византийской версификации наступает победное шествие двенадцатисложника, нарушаемое только к самому окончанию Византии экспансией народного «политического» стиха. Двенадцатисложник попадает в жанры, где постоянно доминировал гекзаметр — самостоятельно по себе либо в комбинации с пентаметром, — к примеру, он главенствует в византийской эпиграмме, сделавшейся с течением времени благодаря практике писания эпиграмм на святые объекты и намеренно на дни церковного года, одним из наиболее глобальных жанров византийской и в том числе и после византийской версификации. По этой причине почин Писиды был знаменем периода. В дальнейшие этапы гекзаметы и элегические дистихи придумывают, безусловно и то крайне редко, в ограниченных сферах ценителей традиционной античности; однако двенадцатисложники придумывают радикально все без исключения, в том числе люди, далекие или даже недружелюбные к классическим устоям, к примеру духовидец XI

¹²¹Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. – М., 1984. – С. 326.

в. Симеон Новый Богослов. Когда правитель-иконоборец Феофил приказал выжечь на лбу у братьев-иконопочитателей Феофила и Феофана глумливые стихи, стихи эти были составлены также в двенадцатисложниках¹²².

Для всей традиции византийских псевдоямбов творческий процесс Писиды оставался эталоном. Писатель, закрывший собственным творчеством ранневизантийский период и показавший пути дальнейшим периодам, поделил с собственными классическими предшественниками авторитет классика.

Как ранее заявлено, большую часть из числа сочинений Писиды захватывают поэмы, приуроченные к важным действиям: приветствие Ираклию, пожаловавшему с Карфагена в Константинополь с целью захвата власти, «Персидский поход» и «Аварская война», обрисовывающие основание ссоры с Ираном и отображение аваро-славянской осады Константинополя в 626 г., наконец «Ираклиада» в 3-х книжках, воспевающая финальный успех Ираклия над Хосровом¹²³. Официозно-одобрительная установка создает изображения боевых операций несколько монотонными, так как каждое явление вызвано демонстрировать сияние армейской отваги и полководческих способностей правителя, однако батальным сценам невозможно отказать в энергии:

Но вот овладевает мной желание
Узреть усладу изготовки битвенной
И ужасы воспеть, не зная ужаса;
Однако даже это предварение
Меня пугает зримою жестокостью.
Стояло войско строем и в оружии,

¹²² Frenzo J.D.C. The Poetic Achievement of George of Pisidia // *Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance studies for Robert Browning* / ed. Ann Moffatt / *Byzantina Australiensia* 5. L., 1984. – P. 177.

¹²³ Whitby, Mary. *Defender of the Cross: George of Pisidia on the Emperor Heraclius and His Deputies* // *The Propaganda of Power: The Role of the Panegyric in Late Antiquity* / ed. Mary Whitby. – Boston, 1998. – P. 255.

Здесь были трубы, там гряда щитов
к щитам,
Колчаны, копья, и мечи, и дротики.
Гремели латы громом устрашающим,
Железными сдвигаясь сочлененьями,
И, солнечным светилом освещаемы,
Друг в друга отражали переменный
блеск
Небесного слепящего сияния:
Когда, сплотив ряды к рядам
воинственно,
Они сомкнули крепко строй
незыблемый,
Казалось, что стоит стена оружия!
Уже сходились воинства враждебные,
Уже стучали меч о щит и щит о меч,
Разимые жестокими ударами,
Уже клинки, покрыты кровью алою,
Являли образцы искусства бранного;
Повсюду страх, и ужас, и смятение,
Смертоубийство и кровопролитие¹²⁴.

Наравне с бесстрастными поэмами на важные проблемы Георгий Писсида писал кроме того творения в духовно-нравоучительном роде, из числа каковых акцентируется наиболее объемистый его труд — «Шестоднев, или О сотворении мира» (в двенадцатисложниках). Данная книга, вслед за прозаическим «Шестодневом» Василия Великого соединяющая проблему отжившей Книги Бытия с материалом популяризированной естественнонаучной эрудиции от Аристотеля вплоть до Элиана, была, между прочим, переведена на армянский и

¹²⁴Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. – М.,1984. – С. 327.

церковнославянский язык; пересмотр южнославянского извода намеренно для российского читателя был сделан в 1385 г. Морализирующие поэмы «На жизнь людскую» и «На суматоху житейскую» полны достаточно очевидных, однако бойких риторических нападок против общего неразумия людей. Подобные нападки были типичны для эллинистической общефилософской литературы; практическая деятельность христианской проповеди их вновь провоцировала, и в творчестве Писиды они являют собой столь же типичный ранневизантийский компонент, равно как и славословия в почет правителя:

Кто, глядя из сердечной глубины своей
На этой жизни зрелище позорное,
Не заглушит слезами смех свой
зрительский?
Со сцены сей над нами насмеваются
Поддельных шуток мастера поддельные,
Играя в троны, в расписные почести,
В придуманные власти, как безумные.
Из смеха порождаются несчастья:
Вот он выходит в царском облачении,
Гордясь собою, счастья причастившийся,
Безмолвствует в своем великолепии
И мнит: «Я — все», меж тем как он
и есть ничто,
И мнит: «Все знаю», ничего не ведая,
В одной душе двойное заблуждение:
Мудрец он — мнимый, острослов —
затупленный,
И все ж он величается и тешится,
Доколе смерть с подмостков не сведет

его¹²⁵.

Везде в литературе раннего VII в. мы разыскиваем окончание того пути от «христианской античности» к византийскому средневековью, что определяет сущность ранневизантийского этапа¹²⁶.

¹²⁵Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. – М., 1984. – С.328.

¹²⁶Whitby, Mary. George of Pisidia's Presentation of the Emperor Heraclius and His Campaigns: Variety and Development // The Reign of Heraclius (610- 641): Crisis and Confrontation / eds. Gerrit J. Reinink, Bernard H. Stolte. – Paris, 2002. – P. 163.

Заключение

Краткая характеристика поэзии Восточноримской империи IV—VII вв. позволяет сделать следующие главные заключения: в данный промежуток поэзия, новая по собственной идейной ориентированности и содержанию, с одной стороны, обширно использует традиции древней культуры и литературы и этим самым реализовывает не только лишь эстетическую преемственную связь в цивилизованном развитии эллинистического народа, однако и содействует цивилизованному формированию иных народов, бывших в составе Восточноримской империи.

Литературное наследие Византийской империи в рассматриваемый период крайне многообразно. В IV – VII вв. продолжают свою эволюцию античные жанры поэзии такие, как, например, эпиграмма. Свое развитие, в связи с получившим в этот период наибольшую популярность христианским мировоззрением, получает церковная поэзия – гимнография.

Следование стандартам языческой литературы либо несоответствие им — делит христианскую версификацию IV—VII вв. на поэзию классическую и новую.

В то же время в литературе данного периода, не во всей, однако в какой-то её доли, планируются значительные сдвиги в приближении её к всенародному творчеству, что отражается в применении народного слога, всенародной мелодики и ритмики; данное приводит к появлению определенных новейших жанров и к обогащению давних, модифицировавшихся во внутренних и наружных чертах и доносящих до нас особый колорит собственного периода.

В жанре эпиграммы наиболее выдающимися на рассматриваемый период были работы Паллада Александрийского и Павла Силенциария. На основе их работ делается вывод о вхождении библейских событий и персоналий в обиход позднеантичных поэтов. Их работы «внешне» еще

следуют античным нормам и принципам. Однако содержание эпиграмм соединяет в себе как античные мифы, так и библейские сюжеты.

В области гимнографии развиваются такие поэты, как Григорий Богослов, Синезий Киренский и Роман Сладкопевец. На основании их трудов можно сделать заключение о значительном воздействии и распространении христианства на территории Византийской империи. О том, как общество пыталось вписать идеи христианства в свою уже сложившуюся античную картину мира. Однако в работах Синезия Киренского все ещё прослеживается связь с античными сюжетами.

Григорий Назианзин и Синезий Киренский были первыми символами оживления стихотворства. Литургическим песнопением гимн Григория не мог бы быть, и притом согласно 2 обстоятельствам: не только лишь по причине его непонятной лексики и в особенности его старой просодии, делавшей его негодным для вокала, однако и по причине отсутствия в нем актуальной догматической топики. В бурную эру доктринальных диспутов богослужебный текст призван был разделять ортодоксальную концепцию от ереси и обозначать ее в разумах верующих. Гимн Григория далек от подобной функции. Это факт определяет не столько самого «Богослова», который не менее кого бы то ни было из своих современников постарался над разработкой догмы, сколько характер его поэзии.

Если работы Григория пропитаны христианским содержанием, то работы Синезия неразделимо объединены с античным взглядом на мир. Он объединяет античное с христианским в одно целое. Неоплатонизм и христианство у Синезия неразделимы.

Издатель Синезия К. Лакомбрад замечает: «По всей видимости, философ не поменял собственной привязанности к языческому учению о вечности мира и непременном его следствии, постоянном возвращении». Именно этим и любопытен для нас Синезий, создатель гимнического мелоса.

Произведения Романа Сладкопевца уже можно считать исключительно христианской поэзией. Он не смешивает античные и библейские сюжеты.

Посвящает собственные гимны Богородице. В этих работах уже прослеживаются не только лишь перемены в содержательной части поэтических творений, однако и во внешней форме произведений. Происходят изменения в размерах стихосложения. Метрика в данных произведениях сменяется тоникой. Они уже могут применяться при богослужениях. Роман создает совершенно новый тип церковных песнопений – кондак. Хотя церковная поэзия в дальнейшем не пойдет по пути развития кондаков, но период их формирования Романом Сладкопевцем в историографии считается периодом наивысшего расцвета поэтического наследия Византийской империи.

Особым и неповторимым для VII в. будет светская поэзия Георгия Писиды. Его работы были последним отголоском «высокой» поэзии этого жанра. Хотя он использует и гекзаметр в некоторых собственных трудах, придерживаясь античных его норм, но по части содержания его работы можно отнести уже к произведениям средневекового характера.

Христианская религия в Византии явилась духовной субстанцией ее культуры, которая, в свою очередь, оформилась как религиозная.

Уникальность данной культуры состояла в том, что она не отрицала предыдущие свершения древних цивилизаций, а, напротив, впитывала, обобщала многочисленные мировоззренческие и религиозные теории предыдущих эпох, подвергая их христианизации. В итоге внутренняя жизнь византийского сообщества в абсолютно всех областях познания, в литературе, искусстве пронизывалась особыми христианскими мыслями, образами, понятиями.

Список использованной литературы и источников

Источники:

1. Греческая эпиграмма / под ред. и с вступ. ст. Ф. Петровского. Сост. Ф. Петровского и Ю. Шульца. — М.: Гослитиздат, 1960. — 487 с.
2. Григорий Богослов. Собрание творений: в 2 т. — М.: АСТ, 2000. — Т. I. — 475 с.
3. Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца / пер. Сергея Цветкова. — М., 1881. — 213 с.
4. Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя. Полное собрание творений. В 2 т. / Пер. и комм. Т. Г. Сидаша. — СПб.: Своё издательство, 2012—2014.
5. Эпиграммы «Греческой антологии» / под ред. М. Гаспарова и Ю. Шульца. — М.: Terra, 1999. — 725 с.
6. Многоценная жемчужина. Преп. Ефрем Сирин. Свят. Григорий Богослов. Палладий Еленопольский. Преп. Роман Сладкопевец. Преп. Исаак Сирин. Преп. Иоанн Дамаскин. Преп. Феодор Студит // Поношение судьбы / Перевод с сирийского и греческого языков С.С. Аверинцев. — Киев: Дух і Літера, 2003. — 233 с.
7. Михаил Пселл. Сравнение Еврипида с Писидой (спросившему, кто лучше писал стихи, Писида или Еврипид) / Пер. Т.А.Миллер // Античность и Византия. — М.: Наука, 1975. — С. 50-70.

Исследования:

8. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: Наука, 1977. — 320 с.
9. Аверинцев С.С. Литература // Культура Византии IV-VII вв. — М.: Наука, 1984. — С. 272-330.

- 10.Аверинцев С. С. Византийская литература VII—IX вв. // История всемирной литературы: В 8 томах — М.: Наука, 1984. — Т. 2.— С. 348-351.
- 11.Аверинцев С.С. Григорий Назианзин // Памятники византийской литературы IV—IX веков. — М.: Наука, 1968. — С. 105 – 123.
- 12.Аверинцев С. С. На перекрестке литературных традиций: (Византийская литература: истоки и творческие принципы) // Вопросы литературы. — 1973. — № 2. — С. 153-155.
- 13.Античность и Византия / отв. редактор Фрейберг Л.А. — М.: Наука, 1975. — 415 с.
- 14.Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. — М.: Искусство, 1977. — 417 с.
- 15.Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. — Киев: Путь к Истине, 1991. — 408 с.
- 16.Васильев А.А. История Византийской Империи. — СПб.: Алетейя, 1998. Т.1. — 302 с.
- 17.Васильев А. А. Время жизни Романа Сладкопевца // Византийский временник. — 1901. — Т.8. — С. 435-478.
- 18.Говоров А. В. Св. Григорий Богослов как христианский поэт. — Казань, 1886. — 320 с.
- 19.Зяблицев Георгий. Платонизм и богословие св. Григория Богослова // Выбор. — М., 1990. — № 8. — С. 32-35.
- 20.Игумен Иларион (Алфеев). Жизнь и учение святителя Григория Богослова. — М., 1998. — 507 с.
- 21.Киприан Керн. Литургика: гимнография и эртология. — М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. — 82 с.
- 22.Кулаковский Ю.А. История Византии. — СПб.: Алетейя, 2003. — Т.1. — 493 с.

23. Кулаковский Ю.А. История Византии. — СПб.: Алетейя, 1996. — Т.2. — 452 с.
24. Курбатов Г.Л. Византия в VI столетии: Популярный очерк. — Ленинград: Учпедгиз, 1959. — 136 с.
25. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. — М.: Искусство, 1992. — Кн. I. — С. 18-29.
26. Лосский В.Н. Капподокийцы // Богословские труды. — М., 1984. — № 25. — С. 19-23.
27. Любарский Я.Н. Византийский историки и писатели: Сборник статей. — СПб.: Алетейя, 1999. — С.182–187.
28. Любарский Я.Н. Михаил Пселл и Григорий Назианзин // Византиноведческие этюды. — Тбилиси, 1978. — С. 45-49.
29. Орлов А.С. Византийская литература // Литературная энциклопедия. — М., 1929. — Т.2. — С. 158-163.
30. Петровский Ф.А. Эпиграммы Павла Силенциария и Македония Консула // Византийский временник. — 1969. — Т. 30. — С. 292-305.
31. Петровский Ф.А. Византийские эпиграммы // Византийская литература / отв. ред. Аверинцев С.С. — М.: Наука, 1974. — С. 159-180.
32. История Византии / отв. редактор Сказкин С.Д. — М.: Наука, 1967. — 524 с.
33. Соболевский С.И. История греческой литературы. — М.: Академия Наук, 1960. — 436 с.
34. Удальцова З.В. Византийская культура. — М.: Наука, 1988. — С.64–66.
35. Успенский Ф. И. История Византийской империи. — М., 1996.— Т.1 — 827 с.
36. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви: (Репринтное издание). — Свято–Троицкая Сергиева Лавра, 1995. — С.185–189.

37. Фрейберг Л. А. Византийская поэзия IV-X вв. и античные традиции // Византийская литература / отв. редактор Аверинцев С.С. – М.: Наука, 1974. – С. 24-76.
38. Фрейберг Л.А. Памятники Византийской литературы IV-IX веков. – М.: Наука, 1968. – 360 с.
39. Шульц Ю.Ф. Паллад Александрийский. Эпиграммы // Византийский временник. – 1964. — Т.24. — С. 259-260.
40. Daley Brian. Gregory of Nazianzus. — London, New York: Routledge, 2006. — 185 p.
41. Der Nersessian, S. The illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus: A study of the connections between text and images. — Paris, 1962. — 510 p.
42. Fitzgerald A. Essays and Hymns of Synesius of Cyrene. — London, 1930. — P. 1-102.
43. Frendo J.D.C. Classical and Christian influences in the Herakliad of the George of Pisida // Classical Bulletin 62. — 1986. — P. 53- 62.
44. Frendo J.D.C. The Poetic Achievement of George of Pisidia // Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance studies for Robert Browning / ed. Ann Moffatt / Byzantina Australiensia 5. — L., 1984. — P. 159- 187.
45. Grodidier de Matons J. Ronanos le Melode et les origines de la poesie reiligieuse a Byzanice. — Oxford, 1990. — 351 p.
46. Jeffreys E. The Oxford Handbook of Byzantine studies - New York: Oxford University Press, 2008. - P. 3-20.
47. Krumbacher Karl. Die griechische Literatur des Mittelalters. Die Kultur des Gegenwart: ihre Entwicklung und Ziehie. — Leipzig; Berlin, 1912. — 537 p.
48. Krumbacher Karl. Geschichte der byzantinischen Litteratur. — Munich, 1897. — 438 p.
49. Martroye F. Le testament de saint Grégoire de Nazianze // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires. — France, 2005. — 63 p.

50. Whitby, Mary. Defender of the Cross: George of Pisidia on the Emperor Heraclius and His Deputies // The Propaganda of Power: The Role of the Panegyric in Late Antiquity / ed. Mary Whitby. — Boston, 1998. — P. 247- 273.
51. Whitby, Mary. George of Pisidia's Presentation of the Emperor Heraclius and His Campaigns: Variety and Development // The Reign of Heraclius (610- 641): Crisis and Confrontation / eds. Gerrit J. Reinink, Bernard H. Stolte. — Paris, 2002. — P. 157- 173.

Электронные ресурсы:

52. Джеффрис Э. Византистика как академическая дисциплина / перевод В. Швеца [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Богослов» - URL: <http://www.bogoslov.ru/text/896559.html> (дата обращения: 25.04.2017)
53. Паллад Александрийский. Эпиграммы «Палатинской антологии» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Миробиблион» - URL: <http://myriobiblion.byzantion.ru/pallad.htm> (дата обращения: 20.03.2017)
54. Павел Силенциарий. Экфрасис храма св. Софии. Эпиграммы «Палатинской антологии» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Миробиблион» - URL: <http://myriobiblion.byzantion.ru/pavel.htm> (дата обращения: 25.03.2017)